

Е.Н. Панов

ЗООЛОГИЯ

И МОЯ ЖИЗНЬ В НЕЙ

Евгений Панов

Зоология и моя жизнь в ней

«Товарищество научных изданий КМК»

2016

УДК 59(470+571)(092)(093.3)
ББК 28.6д(2Рос)Панов Е.Н.ю14

Панов Е. Н.

Зоология и моя жизнь в ней / Е. Н. Панов — «Товарищество научных изданий КМК», 2016

ISBN 978-5-9909296-1-6

Книга воспоминаний охватывает более полувека из жизни автора. В ней описана история создания других его двенадцати книг от рождения замысла до выхода их в свет. Главная героиня этих воспоминаний – зоология. Автор рассказывает о том, как формировались и развивались его научные взгляды, вспоминает необыкновенные экспедиционные приключения, своих учителей, коллег, друзей, жен и всех тех, кто так или иначе способствовал накоплению его биологических знаний и воплощению их в научные труды. Книга поможет введению в специальность студентов, станет подспорьем для молодых ученых, а также даст возможность широкому читателю узнать «из первых рук», как делали науку в Советском Союзе и постсоветской России.

УДК 59(470+571)(092)(093.3)
ББК 28.6д(2Рос)Панов Е.Н.ю14

ISBN 978-5-9909296-1-6

© Панов Е. Н., 2016
© Товарищество научных изданий
КМК, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1. «Птицы Южного Приморья»	12
Прелюдия	13
Мы в заповеднике!	20
Второй приезд в заповедник	53
Глава 2. «Механизмы коммуникации у птиц»[41]	61
Я открываю для себя новый объект исследований	63
Первые шаги	65
Выбор модельного вида	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Е. Н. Панов
Зоология и моя жизнь в ней

© Панов Е. Н., текст, иллюстрации, 2016

© Товарищество научных изданий КМК, 2016

* * *

Введение

Автор этой книги – зоолог. Меня и подобных мне персон принято называть «людьми редких профессий». В представлении окружающих зоолог – это тот, кто большую часть своей жизни проводит в скитаниях по безлюдным местам, выискивая нечто, не представляющее ни малейшего интереса для нормального, уравновешенного члена общества.

Разумеется, уединение – это важнейшее условие деятельности зоолога, поскольку присутствие посторонних неизбежно нарушит тот естественный ход событий, которые я и мне подобные вознамерились изучить. Поэтому с нетерпением ожидаешь отъезда даже милейших людей, которые затратили немало усилий для того, чтобы доставить тебя на вездеходе или на других средствах передвижения (вертолет, судно, моторная лодка и т. д.) к месту, где тобой спланировано проведение того или другого исследования.

К сожалению, желанного одиночества не всегда удается достигнуть. Не говоря уже о том, что люди ныне вездесущи¹ и попадаются на глаза даже там, где их совершенно не ожидаешь увидеть, подчас приходится вести наблюдения просто в густонаселенной местности. Последние годы я занимаюсь изучением образа жизни стрекоз, так называемых красоток, обитающих по берегам небольших рек, часто в непосредственной близости от населенных пунктов. И вот сидишь с биноклем или видеокамерой где-нибудь неподалеку от пляжа и мечтаешь о том, чтобы проходящий мимо человек не засыпал тебя вопросами.

Чаще всего тебя принимают за рыболова, и тогда спрашивают, хорош ли здесь улов. Но когда прохожий обнаруживает, что удочки-то нет, а вместо нее у тебя в руках камера с телеобъективом, вопросы приобретают иной характер. После твоих разъяснений, которые стараешься сделать как можно лаконичней, собеседник кивает головой и говорит: «А, понятно, *ботаника!*». И он удаляется, думая про себя, скорее всего, что у этого парня с головой не все в порядке. Чтобы не оставить о себе столь неблагоприятное впечатление, я придумал такую формулу: «Снимаем фильм». Тут, вроде бы, все становится на свои места. Например, в ответ могут спросить: «А когда его покажут по телевидению?».

Такое, сугубо утилитарное оправдание «бесполезной», казалось бы, траты времени на изучение жизни братьев наших меньших, вполне объяснимо со стороны непосвященного. В наши дни многие, если не основные сведения о животных поступают с экранов телевидения, из фильмов ВВС «Живая природа» и им подобных.

Многие из них не могут не вызывать восхищения филигранной работой операторов, которым, подчас каким-то чудом, удается запечатлеть редкие моменты из жизни животных и одновременно показать поразительную эстетику нерукотворных творений природы. К сожалению, текст, сопровождающий столь впечатляющий видеоряд, далеко не всегда заслуживает достаточно высоких оценок. Понятно, что ограниченность времени, отведенного на просмотр фильма, сама по себе делает невозможным достаточно глубокий и серьезный комментарий к происходящему на экране. Поэтому зрителю зачастую подается сильно упрощенная схема, либо совершенно тривиальная с точки зрения зоолога-профессионала, либо лежащая в русле модных ныне воззрений на суть происходящего в мире животных, нередко с привкусом сенсационности. Я имею в виду более или менее явные аналогии с теми принципами, которые, по мнению авторов текста, действуют в человеческом обществе. Можно полагать, что именно эти объяснения антропоцентрического толка делают фильмы, о которых идет речь, столь привлекательными для рядового зрителя.

¹ Сейчас даже заповедники наши умные головы в Государственной Думе намереваются превратить в национальные парки и зарабатывать там деньги экологическим туризмом.

Никакого иного чувства, кроме негодования, у профессионала-зоолога не могут вызвать фильмы, которые фабрикуются следующим образом. Сначала какой-нибудь дилетант-недочка пишет сценарий, в котором рассказывается, якобы, о судьбе конкретной особи, семьи или группы животных определенного вида. Затем, другой подобный же несостоявшийся зоолог кромсает километры документальных фильмов, снятых годами, и выбирает из них эпизоды, подходящие к канве сценария. Во всех них нам показывают, как будто, одних и тех же животных, терпящих постоянные опасности и чудом избегающих их. Все это сдобрено домыслами о том, что эти персонажи «думают» в тот или иной момент. Текст насыщен такими пустыми фразами как, например, «Хищнику нужно подобраться как можно ближе к добыче». И, наконец, подобного рода стряпня попадает в руки переводчика, который зачастую не вполне знаком не только с научной терминологией, но часто – и с родным языком. Ясно, что во всем этом нет ни капли научной правды.

Вся эта колоссальная по объему телепродукция оказывается важной составляющей индустрии потребления. В создание этих программ вкладываются немалые деньги. Поэтому нетрудно понять, почему ничего подобного так и не удалось создать в России. Совершенно очевидно, что не раз возобновлявшиеся попытки удержать интерес аудитории к передачам типа «В мире животных» потерпели полный провал. В нашей стране, где власть предрасположена не слишком интересоваться состоянием и благополучием отечественной природы, приоритеты в расходовании средств отданы таким проектам как олимпиады или мировой чемпионат по футболу, а «экологическое просвещение» занимает здесь одно из последних мест.

Любопытно, что такого же рода контраст мы наблюдаем и в сфере книгопечатания. В то время как у нас существует множество популярных книг о животных, переведенных с европейских языков, отечественная продукция по этой тематике невероятно скудна. Мне не приходит на память ни одной книги, которая по яркости содержания и мастерству литературного исполнения могла бы быть поставлена в один ряд с произведениями, столь востребованными нашим читателем, как, скажем, те, которые принадлежат перу Джеральда Даррелла.

Должен признаться, что я сам не являюсь поклонником этого автора, во многом по тем же причинам, по которым не испытываю острого интереса к телефильмам о животных. В развлекательности ни Дарреллу, ни «Живой природе» отказать, разумеется, невозможно. Но мне как человеку, посвятившему свою жизнь зоологии, хочется узнать из книг названного автора не только о том, как поймать то или другое животное, и о его поведении при содержании в клетке, но также – о своеобразии и уникальности образа жизни данного вида в естественных условиях. Что же касается телепередач, о которых идет речь, то большинство из них идут в клиповом режиме. Видеоэпизоды обычно столь коротки, что у диктора попросту нет времени вдаваться в подробности в комментариях к происходящему на экране. А логика объяснений в такой ситуации может быть только предельно упрощенной. Текстовое сопровождение к фильмам, транслируемым по каналу «The Animal Planet», подчас настолько убого и насыщено, к тому же, фактическими ошибками², что возникает острое желание отключить звук.

Понятно, что формат книги дает несравненно больший простор для детализации того, о чем автор собирается нам рассказать. Если говорить о литературе, обращенной к широкой аудитории, где речь идет о животных, то ее можно, довольно условно, подразделить на два жанра. Один из них – это жанр приключений, куда, как мне кажется, относятся работы Даррелла и близкая к ним по духу замечательная книга Дэвида Аттенборо «В поисках дракона. За животными в Гайану. В Парагвай за броненосцами»³. Из отечественных публикаций такого

² Из одного из таких фильмов можно узнать, что Ч. Дарвин был ботаником, а дарвиновых вьюрков, которые легли в основу предложенной им теории эволюции, диктор называет «зябликами Дарвина».

³ Название русского перевода книги «The zoo quest expeditions: Travels in Guyana, Indonesia, and Paraguay». 1980. Guilford & London: Lutter Worth Press.

рода на меня в свое время очень хорошее впечатление произвела книга Ю. С. Аракчеева «В поисках аполлона».

Здесь перед нами, как мне кажется, особый жанр *художественной* литературы. Как писал по этому поводу Питер Кроуक्रофт, «Наиболее популярные книги о животных написаны вовсе не о животных. Это книги о людях – о тех, кто ловит животных, о тех, кто живет бок о бок с животными, или еще о каких-нибудь людях. Научное содержание таких книг нередко приближается к нулю. Но если произведение о подобных животных-оборотнях хорошо расходуется, его автор становится авторитетом в вопросах, касающихся животных как таковых. Сами авторы в этом не виноваты, и в итоге часто оказываются в неловком положении. Но, как бы то ни было, в результате они подкладывают зоологии порядочную свинью... К несчастью, писать научно-популярные книги по зоологии куда труднее, чем научные труды, и мало кому из нас хочется за это браться».

Это выдержка из книги «Артур, Билл и другие. Все о мышах», которая, с моей точки зрения, может служить идеальным образцом НАУЧНО-популярной литературы. В аннотации к этой книге сказано: «Работа Питера Кроуक्रофта, посвященная исследованию поведения мышей, является одновременно и остроумным, и глубоко научным трудом, который может быть полезен как рядовым читателям, так и академическим ученым».

Непревзойденным образцом научно-популярной литературы я считаю книги Ж. А. Фабра о поведении насекомых. Сам их автор является, по моему твердому убеждению, истинным основоположником этологии, который задолго до К. Лоренца и Н. Тинбергена высказал, в блестящей общедоступной форме, главную суть отличий инстинктивного поведения животных от рационального образа действий людей.

К этому же жанру следует отнести такие превосходные книги, как «Старина четвероног. Как был открыт целакант» Дж. Смита, «Один в Антарктике» Грехема Биллинга⁴, «Ворон зимой» Бернда Хейнриха.

Богатым научным содержанием отличаются также книги первопроходцев в изучении образа жизни человекообразных обезьян в природе: «В тени человека» Джейн Гудолл, «Гориллы в тумане» Дайан Фосси, «Год под знаком Гориллы» Дж. Шаллера, «По следам рыжей обезьяны» Дж. МакКиннона.

К разряду классики научно-популярной литературы о животных принято относить книгу основателя науки о поведении животных (этологии) Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», которую я перевел на русский язык 43 года тому назад. Во введении к ней автор противопоставляет жанр рассказа зоолога о своей работе таким книгам, «которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова». В качестве одного из примеров такого рода произведений он приводит «Книгу джунглей» Рэдьярда Кипплинга. Лоренц пишет, что это «волшебная сказка», не содержащая в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но, продолжает он, «...поэты, подобные Кипплингу, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина». По словам автора, именно «Книга джунглей» оказала наиболее плодотворное влияние на развитие его сознания в раннем детстве. Так Лоренц приходит к заключению, что хорошая книга развлекательного характера не должна быть безусловно правдивой.

Иное дело – жанр научно-популярной литературы. «Я ученый, а не поэт, – пишет Лоренц, – поэтому не стану пытаться... подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-либо, не лишенное поэтичности, – это строго следовать научным фактам».

⁴ Ленинград: «Гидрометеиздат», 1969 и М.: «Мир», 1994, соответственно.

Должен сказать, что лично мне все же более импонирует работа другого классика этологии, Нико Тинбергена, под названием «Наблюдательный натуралист»⁵. Дело в том, что этот автор много реже, чем Лоренц, прибегает к вольным интерпретациям сомнительного характера, в духе «ползучего антропоморфизма», по выражению упомянутого выше Питера Кроукрофта⁶. Кроме того, если Лоренц в большинстве случаев преподносит трактовки поведения животных как истину в последней инстанции, в книге Тинбергена прекрасно показан именно процесс научного поиска. Это и остроумная постановка экспериментов непосредственно в среде обитания того или иного вида, и все те трудности в выборе наиболее правдоподобной гипотезы из нескольких, кажущихся, в первом приближении, более или менее равноценными и приемлемыми. Автор стремится не быть голословным, он постоянно приводит количественные обоснования в пользу предлагаемой аргументации. Эти цифровые выкладки преподнесены таким образом, что органически вплетены в гармонию литературного мастерства и делают изложение еще более динамичным и увлекательным.

В этой книге речь идет о существах, которые можно назвать «рядовыми» представителями мира животных. Таковы полярная птичка пуночка, земляная оса аммофила, другая хищная оса – пчелиный волк и несколько прочих видов насекомых и птиц. Позже Кроукрофт писал, что книга о такого рода скромных созданиях не может быть столь же увлекательной, как те многие, в которых рассказано о крупных млекопитающих, вроде львов, леопардов, человекообразных обезьян или выдр.

С этим можно было бы согласиться, если бы повествования о животных ограничивались только описанием внешнего вида этих существ и немногими краткими заметками об их биологии, как это сделано, в частности, в книгах Даррелла. Между тем, такого рода сведения, хотя и представляют определенный интерес для любознательного читателя, есть не более чем сырой материал, с которым работает зоология как наука, призванная объяснить все эти особенности видов и причины отличий каждого из них от всех прочих. Именно такие объяснения возможных эволюционных причин различий в поведении, скажем, серебристой и трехпалой чаек образуют логическую канву книги Тинбергена. Это и делает ее увлекательной для всех тех, кто не лишен любопытства к жизни природы, вопреки тому обстоятельству, что чайки – далеко не столь эффектные существа, как, например, тигр или леопард.

О чем же говорит первое слово в формуле «научно-популярная литература»? Суть его в том, что задача такого рода текстов состоит в информировании читателя о происходящем в той сфере науки, в данном случае зоологии, предметом изучения которой оказываются персонажи повествования – осы, мыши, чайки и прочие. Вот что писал по этому поводу Лоренц: «Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об их интимной жизни. В конце концов, каждый ученый должен считать своим долгом рассказать широкой публике в *общедоступной форме* о том, чем он занимается» (курсив мой).

⁵ В русском переводе «Осы, птицы, люди».

⁶ Например, в главе 12 («Мораль и оружие») Лоренц говорит о том, что у птиц, высших млекопитающих и человека можно найти некие «социальные сдерживатели», предотвращающие нападение на индивида со стороны других особей того же вида. «С точки зрения конечного результата, – пишет автор, – *неважно*, какие причины не позволяют господствующему животному нанести серьезные повреждения своему более слабому собрату – то ли *простые, чисто рефлекторные врожденные механизмы*, то ли *высшие философские соображения и нормы морали*. *Сущность* поведения и в том и в другом случае одинакова: смирившееся существо внезапно отказывается от самозащиты и как будто бы развязывает руки убийце. Но именно в тот момент, когда с пути последнего устранены все внешние препятствия, в его центральной нервной системе возникают непреодолимые внутренние преграды, не позволяющие решиться на последний шаг. Не так ли и сам человек просит пощады? Гомеровские воины, желая сдаться на милость победителя, отбрасывали в сторону шлем и щит, падали на колени и склоняли голову» (курсив мой). Это как раз тот случай, когда внешняя видимость явления выдается за его сущность. Именно за такого рода поверхностные аналогии между поведением животных и человека Лоренца остроумно высмеял философ Эрих Фромм в книге «Анатомия человеческой деструктивности».

Разумеется, в мою задачу не входит дать сколько-нибудь исчерпывающий обзор научно-популярных книг по зоологии. Но для полноты картины следует упомянуть серию книг о социальных насекомых И. А. Халифмана и о множестве самых разных представителей животного мира И. И. Акимовской.

Научное познание существенно отличается от других форм восприятия людьми происходящего в окружающем нас мире и от прочих всевозможных способов описания увиденного. Принципы здесь во многом иные, по сравнению с познанием обыденным, художественным или религиозно-мифологическим. Научное познание далеко не ограничивается фиксацией совокупности фактов, поверхностным их описанием и систематизацией посредством классификаций. В науке, естественно, без всего этого обойтись невозможно, но такого рода конгломерат знаний составляет то, что в методологии именуется *преднаукой*. Наука в собственном смысле этого слова занимается поисками причинности мироустройства во всех его аспектах. В основе этой деятельности лежит стремление увидеть за внешней видимостью (кажимостью) того, что нас окружает, сущностные характеристики явлений и внутреннюю их связь друг с другом.

Наука – деятельность коллективная, в которую вовлечено несметное число исследователей с разным складом интеллекта и неодинаковыми потенциями к анализу явлений одного и того же порядка. Накопленный столетиями научный опыт оказался бы хаотичным, если бы в процессе развития науки не складывались научные школы, объединяющие ученых с близкими взглядами на интересующий их предмет. Каждая такая школа выдвигает собственные гипотезы относительно исследуемых ими явлений. Гипотезы рождаются, живут и вступают в конкуренцию друг с другом. Некоторые становятся на какое-то время *догмами* и определяют собой этот период *моды* в данной области науки. Со временем большинство гипотез не выдерживает конкуренции с выдвигаемыми вновь и уходят в область истории науки. Из сказанного следует, что наука – это динамический процесс познания окружающего, в котором догматизм и следование научной моде оказываются факторами, тормозящими наши попытки приблизиться к истине.

Моя деятельность в качестве профессионального зоолога охватывает более полувека, 53 года, если быть точным. Первым моим серьезным исследованием в заповеднике «Кедровая падь» предшествовали детские увлечения коллекционированием насекомых, позже – ловлей и содержанием птиц, а затем пять лет обучения в высшей школе.

За все эти годы в зоологии произошло множество кардинальных изменений, так что эта наука, какой она была в период моей юности, в 50-х и 60-х годах прошлого века, к началу нынешнего стала во многих отношениях почти неузнаваемой. В этой книге я хочу рассказать о том, как этот процесс изменений отражался на эволюции моих научных интересов, как они преобразовывались и расширялись. Вера в весомость тех или иных воззрений и гипотез, которые господствовали в зоологии в определенные периоды, сменялась разочарованием в их правдоподобности, что заставляло меня обращаться к иным объяснением увиденного мной в реальности.

В период с 1970 по 2014 г. я написал 13 книг⁷ и несколько брошюр. В восьми из этих публикаций (годы 1970, 1975, 1980, 1983, 1989, 2012, 2013 и 2014) обсуждаются вопросы, актуальные для теории зоологии на соответствующих этапах ее развития. Взгляды, которых я придерживался в те или иные годы, обосновывались данными моих исследований по тем отдельным группам животных, которые находились в центре моего внимания в это время (книги, опубликованные в 1973, 1999, 2003 и 2008 гг.).

⁷ Некоторые из них выходили повторно, каждый раз существенно дополненными и в большем объеме. Например, книга о сорокопутах опубликована дважды на немецком языке (1983, 1996), один раз на русском, в 2008 г. и в окончательном виде – на английском, в 2011 г.

В книге, которую читатель держит в руках, я рассказываю в хронологическом порядке о том, как и под влиянием каких обстоятельств (например, общения с коллегами) рождался замысел той или другой из упомянутых публикаций и как проходила моя работа над ней.

Иллюстрируя книгу, я вынужден был ограничиться довольно жесткими рамками и отбирал лишь те фотографии, без которых мои воспоминания были бы явно неполными. Хотелось запечатлеть образ себя самого в разные годы жизни и лица всех тех моих коллег и спутников по экспедициям, без которых я не смог бы выполнить все то, о чем рассказано далее. Что же касается облика тех мест, где мне пришлось побывать, животных, о которых идет речь на ее страницах, а также разных эпизодов экспедиционной жизни в полевых условиях, то все эти изображения читатель сможет найти на моем сайте www.panov-ethology.ru в разделе «Зоология и моя жизнь в ней», где иллюстрации даны по главам книги.

Глава 1. «Птицы Южного Приморья»

В этой книге, увидевшей свет ровно 50 лет назад, обобщены результаты моих изысканий в заповеднике «Кедровая падь», где я жил и работал в годы с 1960 по 1963.

Прелюдия

Все началось за несколько лет до этого, еще во время моего обучения на кафедре зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ. За два года до окончания студенческой жизни настало время выбрать то направление исследований, в сфере которого предстояло работать в дальнейшем. Как это заведено повсюду, такой выбор осуществляется, когда преподаватели предлагают студенту одну или несколько тем по специальности для выполнения сначала курсовой, а затем дипломной работы.

И вот, поздней весной 1957 г. группа из нескольких студентов выезжает на летнюю практику в Окский заповедник. Руководитель группы, доцент Николай Николаевич Карташёв⁸ предложил мне изучать образ жизни двух видов куликов, обитающих по берегам небольшой речки под названием Пра, левого притока Оки, делящего почти ровно надвое сильно заболоченную Мещерскую низменность. Это о ней К. Паустовский писал: «Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра».

Н. Н. Карташёв был фигурой достаточно колоритной. Ему было в то время 38 лет, но мне он казался много старше. Коренастый и широкоплечий, с пышными усами, он обычно был немногословен и казался суровым, чтобы не сказать – мрачным. Во всяком случае, так он вел себя при общении со студентами. Вот, например, я предлагаю ему помочь перенести с берега лодочный мотор к лодке и слышу в ответ: «А что я, слабосильный, что ли?».

Карташёв держал меня чуть ли не в «черном теле». В один из первых дней для всей нашей группы была устроена экскурсия с базы на кордон заповедника, расположенный километров за 15 от нее. Вечером, когда все мои сокурсники расположились ночевать на кордоне, сказал, что мы с ним сейчас пойдем обратно домой. Я пытался протестовать, предлагая отложить прогулку до утра. Но шеф был непреклонен. Мы шли в полной темноте, и меня удивило, что он снял очки, которые носил постоянно. В ответ на мое недоумение он объяснил, что стекла очков отражают тот немногий свет, который еще дает о себе знать по ночам, так что зрению сподручнее работать в отсутствие очков. Маршрут оказался нелегким – ведь шли мы не по дороге, а по «целине». Тем не менее, на следующее утро Карташёв разбудил меня чуть свет, дав тем самым понять, что летняя практика – это не курорт для студента-орнитолога.

Итак, в мое распоряжение выделили вёсельную лодку и два десятка автоматических ловушек-лучков. С их помощью я должен был ловить куликов, кольцевать их и в дальнейшем вести наблюдения за птицами, помеченными таким образом. Местом работы были речные песчаные отмели. Я должен был сплавляться по реке и на каждой расставлять по несколько лучков у самого уреза воды, где кулики кормились насекомыми на мокром песке. Позже ко мне присоединился мой сокурсник и друг Юрий Романов, которому Карташёв предложил изучать биологию зимородков. Эти тропически окрашенные птицы, питающиеся рыбой, гнездятся в норах на обрывистых участках берегов Пры. Так что протяженные маршруты на веслах удовлетворяли задачам обоих исследований.

Вскоре мне стало ясно, что по-настоящему интересный материал можно получить из наблюдений лишь за одним из двух видов – именно, малым зуйком. Парочки этих птиц пребывали на отмелях постоянно, они гнездились здесь и выращивали потомство. Что же касается перевозчиков, то они устраивали гнезда в лесных зарослях по берегам реки, и найти такое гнездо было практически нереально. На отмелях же эти кулики появлялись лишь эпизодиче-

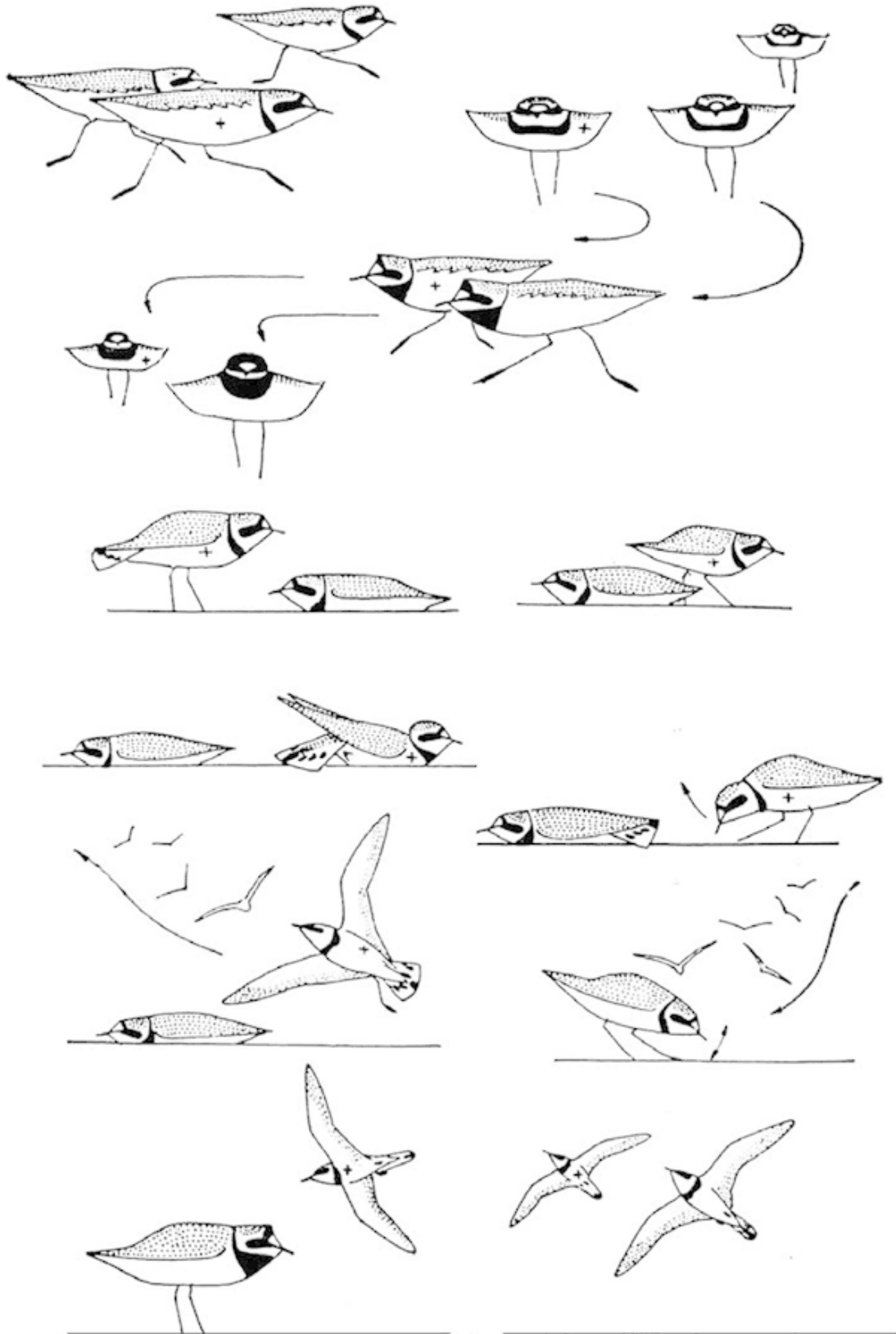
⁸ Карташёв Н. Н. (1919–1979) – российский орнитолог, доцент кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ, кандидат биологических наук. Автор более 75 публикаций, в том числе книги «Систематика птиц» (1974).

ски, во время кормежки. Поэтому я вскоре сказал Карташёву, что сравнивать эти два вида в деталях – это все равно, что сравнивать круглое с красным.

Малые зуйки моментально пленили мое сердце орнитолога. Во время столкновений соседних пар на границах их территорий и во взаимодействиях между самцом и самкой при постройке гнезда, и в момент брачных церемоний они меняли свой облик наподобие игрушек-трансформеров. Будучи настроен агрессивно, зук становился совершенно плоским, а его черный «ошейник» то и дело изменялся – от еле видной полоски до широкого «галстука».

Особенно удивительным оказалось брачное поведение зуйков⁹. Место для гнезда подготавливает самец. Он, лежа, роет лапками несколько ямок в песке, постепенно все чаще посещая и углубляя одну из них. Выстилку гнезда самец делает из мелких предметов, разбросанных неподалеку от ямки, будь то обломки веточек, раковины моллюсков либо миниатюрные камешки. Делая несколько шагов от ямки, самец берет такой предмет клювом и резким движением бросает его назад «через плечо». Спустя несколько дней ямка оказывается заполненной, и гнездо готово для откладки яиц. Теперь настает время привлечь сюда самку. Самец поджидает ее, лежа в гнезде. Когда же самка, готовая к спариванию, подходит к партнеру вплотную, он встает, разворачивает веером угольно-черный хвост, украшенный изящно вырезанной белой окантовкой, и остается в неподвижности, держа этот роскошный флаг над гнездом. Самка ложится под него в гнездо, а когда, полежав так минуту-другую, встает, наконец, следует спаривание. Прежде чем встать самке на спину, самец расширяет до отказа черный ошейник и некоторое время топчется, будто «марширует» на песке, быстро переступая лапками.

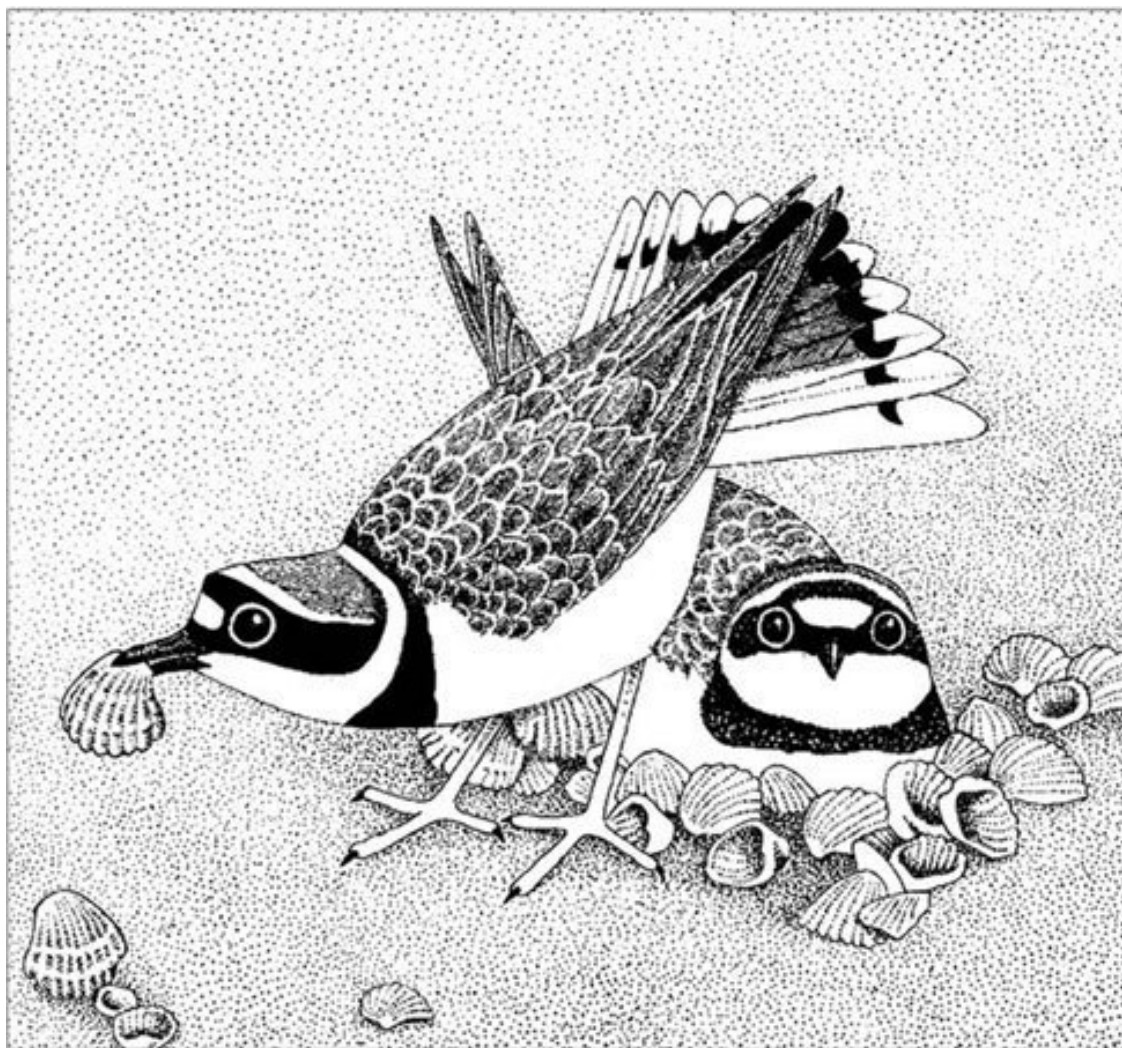
⁹ Русское название «зуйк» – это омоним клички младших членов команд на ладьях, архангельских поморов-промышленников. Отсюда, как полагают, пошла русская фамилия Зуев. Зуйк изображен на гербе и флаге города Орехово-Зуево.

Малый зуёк *Charadrius dubius*

Увидеть все это и сделать с помощью телеобъектива снимки, подтверждающие увиденное, можно было, лишь часами сидя неподвижно где-нибудь под укрытием куста. Это следовало повторять изо дня в день, чтобы птицы привыкли к присутствию наблюдателя и перестали

его опасаться. Карташёву такое мое поведение определенно не нравилось. Ему казалось, что я просто отлыниваю от того способа орнитологических исследований, который он считал чуть ли единственно правильным. Суть его в том, чтобы покрывать за день как можно большее расстояние и фиксировать в блокноте все, что так или иначе отвечает задаче исследования – в данном случае, сколько особей каждого вида обитает в пределах маршрута, сколько времени они отдают кормежке, сколько съедает каждая и так далее.

Малый зуёк. *Charadrius dubius*

Все дело в том, что тогда отечественным зоологам было просто неизвестно о существовании целого направления исследований, которое уже почти три десятилетия активно практиковали ученые Западной Европы. Ничего не знал о нем тогда и я сам. Я имею в виду этологию, основной метод которой состоит как раз в длительных наблюдениях за поведением особей, желательно – индивидуально опознаваемых. Таким образом, малые зуйки стали моими первыми учителями в области этологии, подсказав мне тот метод, при помощи которого я смогу узнать как можно больше об интимных сторонах их жизни.

По сути дела, именно знакомство с этими птицами определило мою дальнейшую научную судьбу в качестве этолога. Малым зуйкам я полностью обязан тому, что через три года оказался в регионе, одном из наиболее интересных для биолога любого профиля, – в заповеднике «Кедровая падь», в самом сердце Уссурийской тайги. А сегодня изображение малых зуйков служит эмблемой моего сайта www.panov-ethology.ru.

Дипломная работа и проблемы с распределением

Каким же образом, спросит читатель, изучение малых зуйков на берегах реки Пры породило мечту о работе в Уссурийском крае? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется начать издалека.

В следующий полевой сезон я полностью отдался изучению поведения малых зуйков, обозначив это темой моей дипломной работы. На этот раз моей спутницей и помощницей в странствиях по Пре стала Наталья Андреевна Подугольникова, которая годом раньше вышла за меня замуж.

При работе над дипломом я, начав знакомиться с литературой, обнаружил к своему удивлению, что малый зук уже давно служит излюбленным объектом изучения у немецких и британских орнитологов. У меня в руках оказалась даже целая небольшая книжка, целиком посвященная этому виду, в которой ее автор, немецкий орнитолог Датэ (Н. Dathe) подробно описал многое из того, что пришлось увидеть мне самому. Выяснилось также, что к роду зуйков (*Charadrius*) принадлежит еще 31 вид мировой орнитофауны. Один из них – галстучник, обитающий в тундрах Евразии, был по описаниям настолько близок к малому зуйку, что даже отличить одного от другого в природе выглядело задачей совсем непростой. У меня появилось желание узнать о том, насколько сходны и в чем различны особенности сигнального поведения этих двух видов. Но информация о поведении галстучника оказалась настолько скудной, что провести детальное сравнение не удалось бы, да и тема эта не вполне вписывалась в содержание работы, которую я должен был предоставить при защите диплома.

В то время как о поведении галстучника все же было хоть кое-что известно, еще один вид, о существовании которого я узнал из книг, был не изучен полностью. Название птицы – уссурийский зук. Так вот, подумал я, окончу университет, поеду на Дальний Восток и исследую этот вид в малейших деталях. А заодно увижу своими глазами всех этих экзотических птиц со столь звучными и волнующими воображения именами (голубая сорока, синяя и желтоспинная мухоловка, древесная трясогузка и многие другие), которые ассоциировались в сознании с экзотикой природы далекого Уссурийского края.

Это спонтанно возникшее во мне желание сравнить поведение изученного мною малого зуйка с повадками других, близких ему видов, как выяснилось впоследствии, совпало с главным принципом науки, именуемой сравнительной этологией. Но в то время я ничего об этом не знал. Подобно персонажу из пьесы Мольера, который был сильно удивлен, когда ему сказали, что он говорит *прозой*, я бы не поверил, узнав, что оказался в роли *этолога*. Во время моего обучения в университете если нам и говорили о поведении, то лишь о таком, которое связано с поисками и поглощением корма или с изготовлением животными убежищ, например, нор млекопитающих. Что же касается той сферы поведения, которая обслуживает общение животных (сигнальные позы и звуки), то ей в курсе зоологии места отведено не было. Лишь много позже, в начале 1970-х гг., профессором Николаем Павловичем Наумовым, заведующим нашей кафедрой¹⁰, была предложена идея так называемого *биологического сигнального поля*. Но и здесь речь шла в основном о сигнализации запахами, и только у млекопитающих. Вспомним собаку, поднимающую лапу у основания фонарного столба.

В лекциях и на практикумах по морфологии преподаватели основывались целиком на сравнительном подходе – этом чуть ли не главном принципе биологии, на котором зиждятся все реконструкции эволюционных преобразований органического мира. Но, насколько я

¹⁰ Наумов Николай Павлович (1902–1987), доктор биологических наук, профессор по специальностям зоология, экология, охотоведение. В 1951–1982 гг. заведующий кафедрой зоологии и сравнительной анатомии позвоночных МГУ. Автор учебников «Экология животных» (1955) и «Зоология позвоночных» (в двух частях, 1979).

помню, никогда не говорили о том, каким увлекательным и перспективным может быть применение сравнительного метода в изучении поведения.

Моя жена Наташа, которая одновременно со мной оканчивала другую кафедру биофака МГУ и готовилась работать в области геоботаники, с восторгом восприняла мой план уехать в какой-либо из заповедников Дальнего Востока. Мы навели справки и очень быстро остановились в своем выборе на самом южном из них, территория которого разместилась в Хасанском районе Приморья, близ границ России с Китаем и Кореей. Адрес заповедника я узнал от Сергея Константиновича Клумова¹¹, который в это время предпринял большие усилия в попытках помочь мне в моей дальнейшей судьбе. Он же порекомендовал нам отправить письмо директору заповедника Александру Георгиевичу Панкратьеву. В ответ тот написал, что сможет взять нас на работу только год спустя.

А между тем близилось время так называемого «распределения». Каждый студент должен был к моменту получения диплома иметь на руках справку, говорящую о том, что такая-то организация готова взять его на работу. Если такой справки не было, университет имел право выбрать будущее место работы выпускника по своему усмотрению. Это как раз был мой случай. С. К. Клумов сказал, что готов зачислить меня в длительную экспедицию по изучению китообразных в морях Дальнего Востока. Но экспедиция еще только планировалась и не существовала как реальная организация. В день распределения я приехал рано утром в Институт океанологии, где работал Сергей Константинович, и он написал мне на бланке нечто вроде требуемой заявки. В это время раздался звонок. Взяв трубку и выслушав первые слова звонившего, он подмигнул мне и продолжал слушать дальше. Оказалось, что звонил Карташёв и настаивал на том, чтобы на работу меня не брали.

Дело в том, что на кафедре мои отношения с преподавательским составом складывались не лучшим образом. Я был стилигой и антисоветчиком и, к тому же, чересчур активным с точки зрения начальства. В частности, перед каждой летней практикой я организовывал делегацию к заведующему кафедрой Н. П. Наумову с предложением перенести зачеты на осень, а весну, когда в природе кипит жизнь, использовать для работы в поле. Разумеется, нам в этом неизменно отказывали, так что время, самое благоприятное для полевых исследований, пропадало зря. Когда с готовым текстом дипломной работы я пришел к Карташёву, он отказался быть моим руководителем. Во-первых, потому, что я не последовал его совету сравнивать биологию зуйки и перевозчика, а во-вторых, как им было сказано, «Потому, что я принадлежу к числу людей, которых Вы предлагаете отстреливать». Он имел в виду свою принадлежность к коммунистической партии и одно из моих замечаний в адрес ее членов¹². В результате я попросил представить мой диплом на защиту профессора Георгия Петровича Дементьева¹³, на что тот охотно согласился. Он ознакомился с работой на протяжении двух дней и дал положительный отзыв.

Такова была общая обстановка к тому моменту когда я явился в комиссию по распределению, да еще с сильным опозданием: она уже заканчивала свою работу, и я оказался последним из всей нашей группы. Я протянул председательствовавшему Н. П. Наумову бумагу от С. К. Клумова. Наумов пробежал ее глазами, сложил вчетверо и сунул в ящик стола. «Это не

¹¹ Клумов Сергей Константинович (1906–2000), зоолог, специалист по китообразным (кандидат биологических наук) и общественный деятель. Автор книг «Белуха Советского Севера» (1939) и «Ключ к тайнам Нептуна». (1973).

¹² Во время одной дискуссии между активом нашей группы и руководством комсомольской организации, членом которой я, к счастью, так и не стал, наши противники предложили нам дождаться прихода «партийных товарищей». Именно тогда я сказал в ответ: «Стрелять надо этих партийных товарищей». Когда же главный из комсомольцев, сам член партии, донес об этом декану факультета, тот спросил: «А может быть это только Вас Панов имел в виду?»

¹³ Дементьев Г. П. (1898–1969) – профессор, выдающийся орнитолог мирового масштаба. Был, кроме того, создателем и руководителем Комиссии по охране природы при Академии наук СССР (1951–1963). Он организовал Национальную секцию в Международном совете охраны птиц (ICBP). Автор фундаментальной сводки «Руководство по зоологии. Птицы (1940) Редактор и один из авторов шеститомника «Птицы Советского Союза» (1951–1954)

заявка, – сказал он, – а личное письмо. Мы распределяем Вас на Астраханскую противочумную станцию». «Я туда не поеду», – ответил я. «Тогда мы исключим Вас из университета», последовал ответ. Под аккомпанемент этой угрозы я бодро, с независимым видом покинул высокое собрание.

Я поехал в Министерство здравоохранения, в систему которого входили противочумные станции. Там я объяснил чиновнику, что у меня совершенно иные научные интересы. «Хорошо, – сказал тот, – нам не нужны люди, которым эта работа не по душе». Он выдал мне соответствующую справку, и я помчался к Наташе рассказать о своей победе.

Впереди, до отъезда в заповедник оставался целый год. Надо было чем-то себя занять. Случилось так, что мой отец, писатель Николай Николаевич Панов¹⁴ побывал в Англии и привез мне оттуда одно из первых изданий книги Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона». Из нее-то я узнал впервые о том, что такое этология и чем она занимается. Я решил перевести книгу на русский язык и занимался этим на протяжении оставшихся месяцев 1959 г. В послесловии, которое я написал к русскому изданию, вышедшему в свет лишь 10 лет спустя, в 1970 г., процитированы следующие слова академика В. Н. Черниговского об этологии: «Не считаться с ней невозможно. Не знать о ней просто неприлично. Не разбирать ее – очень серьезное упущение...». Важно подчеркнуть, что это было написано в 1963 г., когда этология была уже зрелой наукой, развивавшейся в Европе на протяжении как минимум трех десятилетий.

В чем же причина столь запоздалого «открытия» этологии биологами в СССР? В период железного занавеса в стране поддерживалась строгая идеологическая изоляция «передовой отечественной науки» от «тлетворных влияний буржуазной западной лженауки». Все, кто интересовался поведением животных в «совдепии», находились под жесточайшим давлением павловской рефлексологии. Суть этологических воззрений либо замалчивалась, либо подавалась в искаженном виде¹⁵. Единственным счастливым исключением в этом отношении оказалась книга Л. В. Крушинского «Биологические основы рассудочной деятельности», впервые опубликованная только в 1977 г.¹⁶

¹⁴ Первоначально поэт, писавший под псевдонимом Дир Туманный.

¹⁵ О чем сказано в моей рецензии на книгу А. Д. Слонима «Инстинкт» (1967, изд. Наука). См. Панов Е.Н. 1969. Рецензия на книгу А. Д. Слонима «Инстинкт». Журн. общей биологии. 30(6): 759–761.

¹⁶ В СССР место этологии было занято так называемой зоопсихологией, основанной на воззрениях А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского, П. Я. Эльконина, К. Э. Фабри и др. В ней наиболее сильной была не зоологическая, а физиологическая традиция, опять же под влиянием вездесущего тогда в стране «павловского учения». Умозрительные схемы эволюции психики, предлагаемые психологами, явно доминировали над конкретными эмпирическими исследованиями сравнительного зоологического характера. Наиболее активно развивались исследования поведения приматов, которые также имели очевидную психологическую ориентацию.

Мы в заповеднике!

Детали самого переезда из Москвы на место работы полностью стерлись из моей памяти. Помню лишь, как мы с Наташей оказались в совершенно пустом доме, выделенном нам для жилья: сени, кухня с печкой о двух конфорках и большая комната без какого-либо места для сна. Дело было к вечеру, так что мы вывалили на пол все мягкие вещи из двух наших рюкзаков и легли спать.

Утром следующего дня, как только настало время, приличное для ранних визитов, познакомиться с нами пришел Александр Александрович Назаренко, работавший тогда орнитологом в заповеднике. Он появился со свойственной ему насмешливой полуулыбкой человека, знающего нечто, недоступное другим, и, поздоровавшись, сразу же протянул мне отпрепарированную тушку птицы величиной с воробья. Мы быстро перешли на «ты», и он спросил: «Ну, что, Женя, можешь сказать, кто это?». Это была проверка моей компетенции как орнитолога из столицы. Глядя на птицу, я понял, что не вижу в ней ровно ничего, за что можно было бы зацепиться для определения ее видовой принадлежности. Все оперение было тускло серым с налетом теплых тонов. Так что экзамена я не выдержал, чем, как мне показалось, Саша остался доволен. Птица же оказалась самкой обыкновенной чечевицы.

Очень скоро выяснилось, что оба мы увлечены идеями, высказанными в книге Эрнста Майра «Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога», переведенной на русский язык в 1947 г. По сути дела, это была концепция так называемого географического видообразования. Суть ее в том, что вид А и вид Б становятся самостоятельными биологическими сущностями после того, как их популяции, составлявшие до этого предковый вид С, оказываются разделенными некой физической преградой: горными хребтами, системой крупных рек или местообитаниями, непригодными для их жизни. За время раздельного существования эти популяции постепенно накапливают генетические различия, как спонтанно, за счет мутационных процессов, так и в силу адаптаций к различным местным условиям. Но когда такие *зарождающиеся* виды начинают расширять свои ареалы и встречаются друг с другом, их независимость друг от друга может сохраниться лишь в том случае, если в дело вступает система так называемых *изолирующих механизмов*.

Они делятся на экологические, этологические и физиологические. Первые работают тогда, когда эти общности привержены к разным местообитаниям и/или начинают размножаться в разные сроки, что препятствует встрече самцов одной популяции и самок другой, устраняя тем самым саму возможность гибридизации между видами на стадии их становления. Суть этологических изолирующих барьеров состоит в том, что особи каждой такой общности адекватно опознают, по характеру сигнального поведения, «своих» и избегают половых контактов с «чужими». Если же «ошибки в опознавании» все же происходят, в дело вступают физиологические механизмы: генетическая несовместимость половых продуктов представителей разных общностей приводит к нежизнеспособности либо к бесплодности гибридного потомства. Когда ни один из названных механизмов не работает, обе группы популяций не переходят к состоянию самостоятельных видов и остаются в статусе «подвидов» предкового вида С.

Эта система взглядов, зародившись в зоологии на рубеже 1940-х и 1950-х гг., вскоре оформилась в концепцию под названием «синтетическая теория эволюции» (сокращенно СТЭ). Она оставалась господствующей парадигмой теоретической зоологии на протяжении последующих нескольких десятилетий – до тех пор, пока не рухнуло под напором новых знаний центральное ядро воззрений Майра – именно, так называемая биологическая концепция вида. Она сводилось к тому, что вид, фигурально выражаясь, «стремится» к сохранению своей

целостности, вырабатывая, тем или иным способом, барьеры, защищающие его от гибридизации с другими видами.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Ни о чем из этого не было сказано в программе моего обучения в МГУ. О теории Майра я узнал совершенно случайно, увидев, незадолго до окончания университета, книгу этого великого ученого в руках своего сокурсника, Виктора Николаевича Орлова. Любопытно следующее обстоятельство. Сдавая после этого зачет по курсу дарвинизма (как называли тогда теорию эволюции), я рассказал о прочитанном в книге преподавателю. Он был повергнут в удивление и спросил меня, откуда я всё это знаю.

Мы оба, Назаренко и я, в момент нашей встречи были полностью уверены в справедливости взглядов Майра и намеревались *подтвердить* их, проиллюстрировав на примере взаимоотношений видов птиц богатейшей орнитофауны южного Приморья, которая оставалась еще недостаточно изученной. По крайней мере, мне в то время не было известно, что верная стратегия научного исследования состоит не в попытках подтвердить ту или иную теорию (что называется ее верификацией), но предпринять все усилия для ее опровержения (фальсификация). Поскольку любую теорию легко подтвердить, если изначально веришь в нее. Об этом нам в университете тоже не рассказывали и, похоже, на кафедре зоологии позвоночных не рассказывают студентам и по сию пору.

Начало работы

Время нашего приезда оказалось не самым благоприятным для тех исследований, которые я изначально планировал. Уссурийские зуйки уже давно вывели птенцов, так что искать их на отмелях не имело никакого смысла. Поэтому я присоединился к работе, для выполнения которой меня, собственно говоря, и зачислили в штат заповедника.

Орнитологи, эпизодически посещавшие этот район прежде, занимались в основном составлением каталога местных видов птиц и их коллектированием для музейных коллекций. Это направление исследований называется *фаунистикой* и в зоологии относится, на мой взгляд, к стадии преднауки. Оно подготавливает почву для дальнейшего, более углубленного изучения разных сторон биологии отдельных видов и, разумеется, всего того, что делает местную фауну не просто механической суммой видов, но экологически организованной системой. Именно этими вопросами Назаренко был занят до моего приезда, пополняя попутно список видов, не замеченных предыдущими исследователями.

Нам вместе предстояло выяснить, в частности, сроки гнездования всех видов птиц заповедника, время их весеннего прилета и начала осенних миграций в южном направлении, на зимовки. В этом смысле осень оказывается временем, важным и перспективным в ряде отношений. Идут миграции видов из более северных регионов. Следует зафиксировать даты их появления в заповеднике и проследить, какие из них и когда отлетают далее к югу, а какие остаются зимовать в наших местах. Первоначально эта деятельность казалась мне довольно рутинной. Пришлось вспомнить наставления Каргашёва – вроде того, что «орнитолога ноги кормят».

База заповедника располагалась на границе тайги, в полосе низкоствольного леса, обедненного постоянными низовыми пожарами¹⁷, и узкой полосы травянистой приморской равнины. Чтобы быть в курсе происходящего в этих трех разных местообитаниях, а также в прибрежной полосе Амурского залива, следовало совершать ежедневные пешие экскурсии по нескольким стандартным маршрутам.

Я неплохо знал птиц Московской области, но в заповеднике почти все виды были для меня новыми и незнакомыми. Поэтому первое время мы с Назаренко экскурсировали вместе,

¹⁷ Они то и дело возникали от искр паровозов, проходивших по железной дороге вдоль побережья Амурского залива.

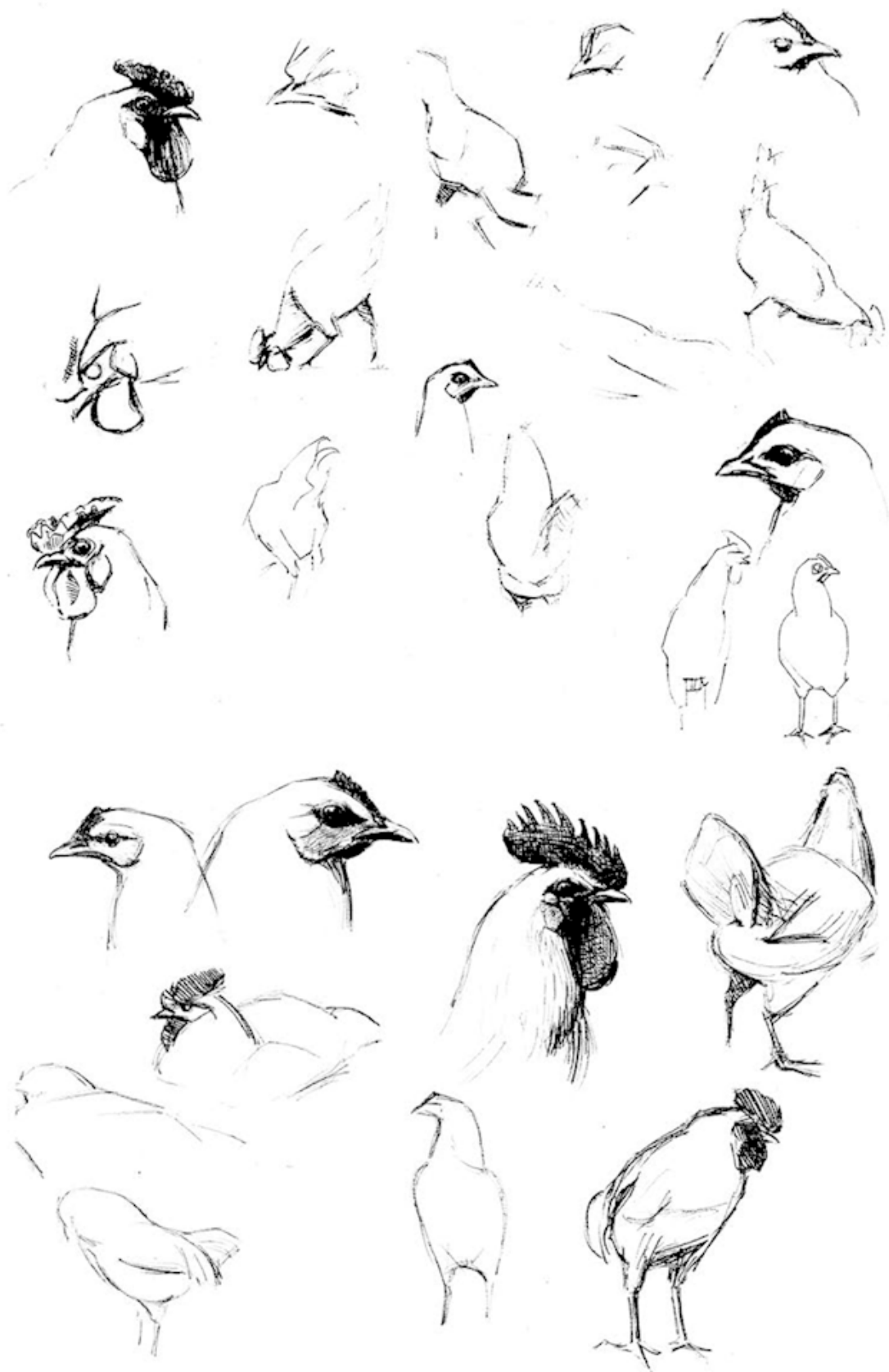
и он помогал мне научиться определять их с первого взгляда. Особенно трудновыполнимо было это в отношении самок и молодых особей. Одних только овсянок в заповеднике было 9 видов. Самцы хорошо различались всевозможными контрастными отметинами, но самки и птицы данного года рождения казались мне все на одно лицо. Я спрашивал Сашу, как же ему удастся распознавать их, коротко взглянув в бинокль, на что он лаконично отвечал: «По внешнему виду».

Я задумал сделать полевой определитель здешних птиц. В детстве я много рисовал, но потом образовался длительный перерыв, так что для выполнения этой задачи следовало возобновить навыки и «набить руку». Поэтому в свободное время начал делать в поселке наброски домашних животных. Назаренко в это время занимался созданием коллекции птиц заповедника, и его трофеи стали для меня хорошим подспорьем в освоении анималистического мастерства.

Восстановив утраченные было навыки, я поставил задачей зарисовывать в полевом дневнике всех тех птиц, которых удавалось хорошо разглядеть. Особенно важно было зафиксировать в рисунках характерные позы тех из них, поведение которых оставалось совершенно неизученным. По вечерам я переводил эти наброски в чистовые графические изображения, сделанные уже тушью.

Особенно полюбился мне маршрут на берег моря, где в это время стали останавливаться на отдых и кормежку кулики, мигрирующие к югу из тундр Восточной Сибири и побережий Берингии. Среди примерно полутора десятков видов песочников, улитов и ржанок здесь можно было увидеть в значительном числе и отдаленных родичей моего любимого малого зуйка. Например, очень мало похожего на него, гораздо более крупного, монгольского зуйка.

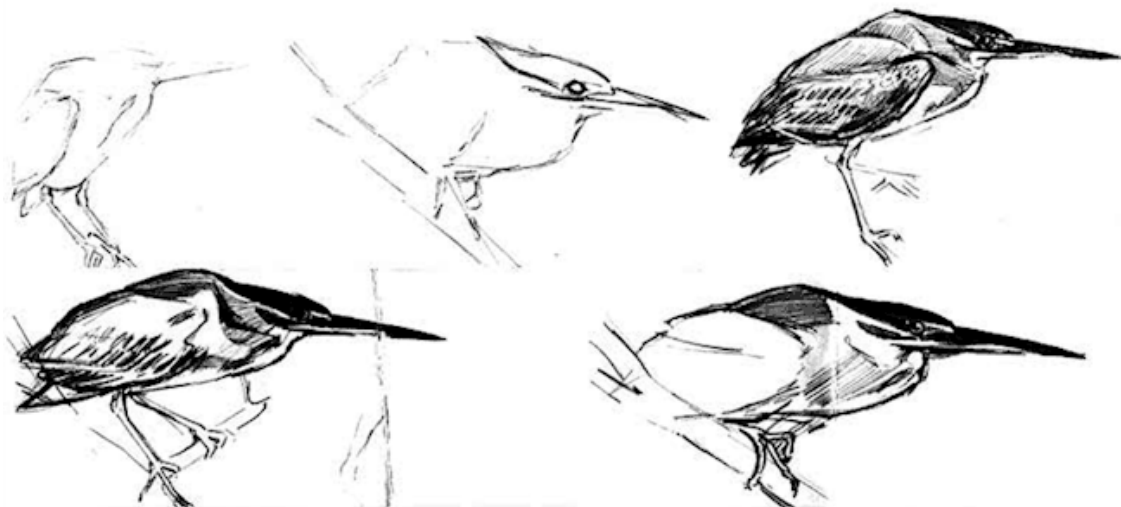

Домашние задания по рисованию птиц

Когда я вышел к берегу моря в первый раз, то пытался раз за разом подкрадываться к той или иной стайке куликов, чтобы рассмотреть их и определить, к какому именно виду они принадлежат. Птицы не подпускали меня даже на ружейный выстрел, и вскоре стало ясно, насколько неэффективна эта моя тактика. Так что, волей неволей, пришлось вернуться к приемам, отработанным мною еще в Окском заповеднике. Я приходил на пляж, усеянный водорослями, а после сильных приливов – еще и медузами, садился на песок без всякого укрытия и старался как можно меньше двигаться. Уже примерно через полчаса вокруг меня сновали кулики большие и маленькие, с клювами короткими и длинными, изогнутыми к концу кверху (мородунки) и книзу (кроншнепы). Птицы меня совершенно не боялись, и я за несколько дней получил обширную серию фотокадров, снимая представителей самых что ни на есть малоизу-

ченных видов (например, грязовиков, лопатней и больших песочников) с расстояния не более пятнадцати метров, а то и ближе.

Амурский волчок (*Ixobrychus eurhythmus*)

Трехпалый дятел (*Picoides tridactylus*)

Кулики

По материалам сделанных здесь наблюдений над поведением птиц я затем написал две статьи: «О территориальных отношениях куликов на пролете» и «О способах питания некоторых видов куликов», опубликованные, соответственно, в 1963 и 1964 гг. Еще год спустя в журнале «Охота и охотничье хозяйство» была напечатана статья «Пролет куликов в южном Приморье» с моими рисунками – своего рода полевой определитель упомянутых там видов в помощь орнитологам-любителям.

Когда я зимой следующего года посетил для консультаций Зоологический институт АН СССР, полученные мной материалы по поведению куликов вызвали живейший интерес со стороны таких светил отечественной орнитологии, как Елизавета Владимировна Козлова и Константин Алексеевич Юдин. Для них именно эти птицы послужили одним из главных модельных объектов в исследованиях по закономерностям эволюции птиц¹⁸. С благодарностью вспоминаю также помощь, оказанную мне тогда в ЗИНе выдающимся орнитологом Борисом Карловичем Штегманом. Этот ученый с мировым именем несколько часов переводил с листа с немецкого сидевшему рядом с ним юнцу (в должности старшего лаборанта) большую статью с данными о поведении зуйка галстучника. Позже я использовал эти сведения в своей статье о поведении и систематическом положении уссурийского зуйка.

Я обогащаю список видов птиц заповедника

Наступило время временного отъезда Наташи в Москву. Она ждала ребенка и, несмотря на мои уговоры, решила во что бы то ни стало рожать в столице, рассчитывая на поддержку

¹⁸ См. Козлова Е.В. 1961-62. Ржанкообразные. Подотряд кулики (Фауна СССР. Птицы, т. 2, вып. 1, ч. 2-3). М.-Л.; Юдин К. А. 1965. Филогения и классификация ржанкообразных (Фауна СССР. Птицы, т. 2, вып. 1, ч. 1), Изд. Академии наук СССР.

со стороны родителей и двух сестер. Я оставался в одиночестве. Как поется в той ковбойской песне в стиле кантри, которую в свое время исполняли многие рок-певцы:

“By, by, by, love,
Good by, happiness
Hello, loneliness,
I think I am gonna cry”¹⁹

Осенний пролет шел к концу, и птиц становилось все меньше. Последние стайки мигрирующих белых трясогузок концентрировались на мелководных перекатах реки Кедровки, протекавшей метрах в ста от моего дома. Как-то раз я сидел здесь на берегу, фотографируя этих птиц, более чем обычных в заповеднике. Вдруг я заметил среди них одну, резко отличную от всех прочих. Она вела себя осторожнее других, и мне пришлось предпринять несколько попыток приблизиться, чтобы сделать пару другую снимков. После этого она исчезла.

Придя домой, я почувствовал, что эту странную трясогузку необходимо добыть для коллекции. Едва дождавшись утра, я взял ружье и направился к месту вчерашних наблюдений. Птицы, как и следовало ожидать, здесь не было. Шансы увидеть ее вновь были минимальны. Тем не менее, я решил попробовать.

Моя ошибка состояла в неверном выборе обуви для экскурсии. Накануне было довольно тепло, и я по привычке надел кеды. Но за ночь ситуация существенно изменилась. Наступивший день был, пожалуй, первым, предвещавшим приближение зимы – ведь был уже конец октября. В поисках трясогузки я около двух часов бродил вверх и вниз по галечному руслу реки, едва прикрытому слоем воды, которая была мне по щиколотку. Птицу я в конце концов все же нашел и застрелил, но в результате заработал страшный радикулит, который отравлял мне существование многие последующие годы.

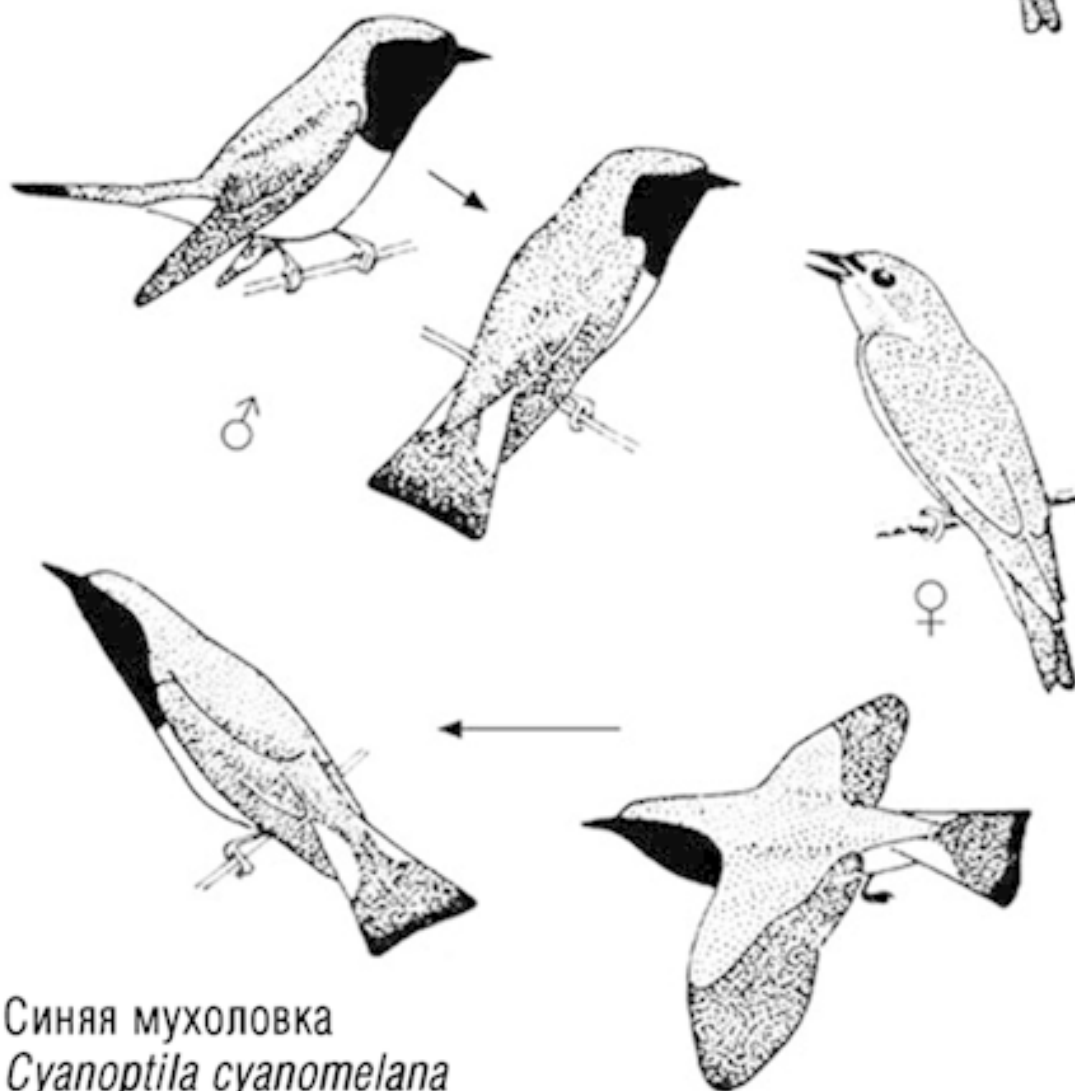
Однако, как выяснилось, игра стоила свеч. Птица оказалась японской трясогузкой – новым видом для фауны не только заповедника, но и тогдашнего Советского Союза в целом. Сейчас я думаю, что экземпляр, добытый мной, мог быть и не той же самой птицей, которую я видел накануне. Об этом говорит тот факт, что японских трясогузок орнитологи видели потом в Южном Приморье еще несколько раз. Такие виды называют «регулярно залетными».

В этот же день я получил телеграмму из Москвы: «Родилась кудрявая девочка». В ответной телеграмме я предложил назвать ее Наташей. Так совпали два ярких события в моей жизни.

¹⁹ До свидания счастье, здравствуй одиночество, мне кажется, я заплачу...

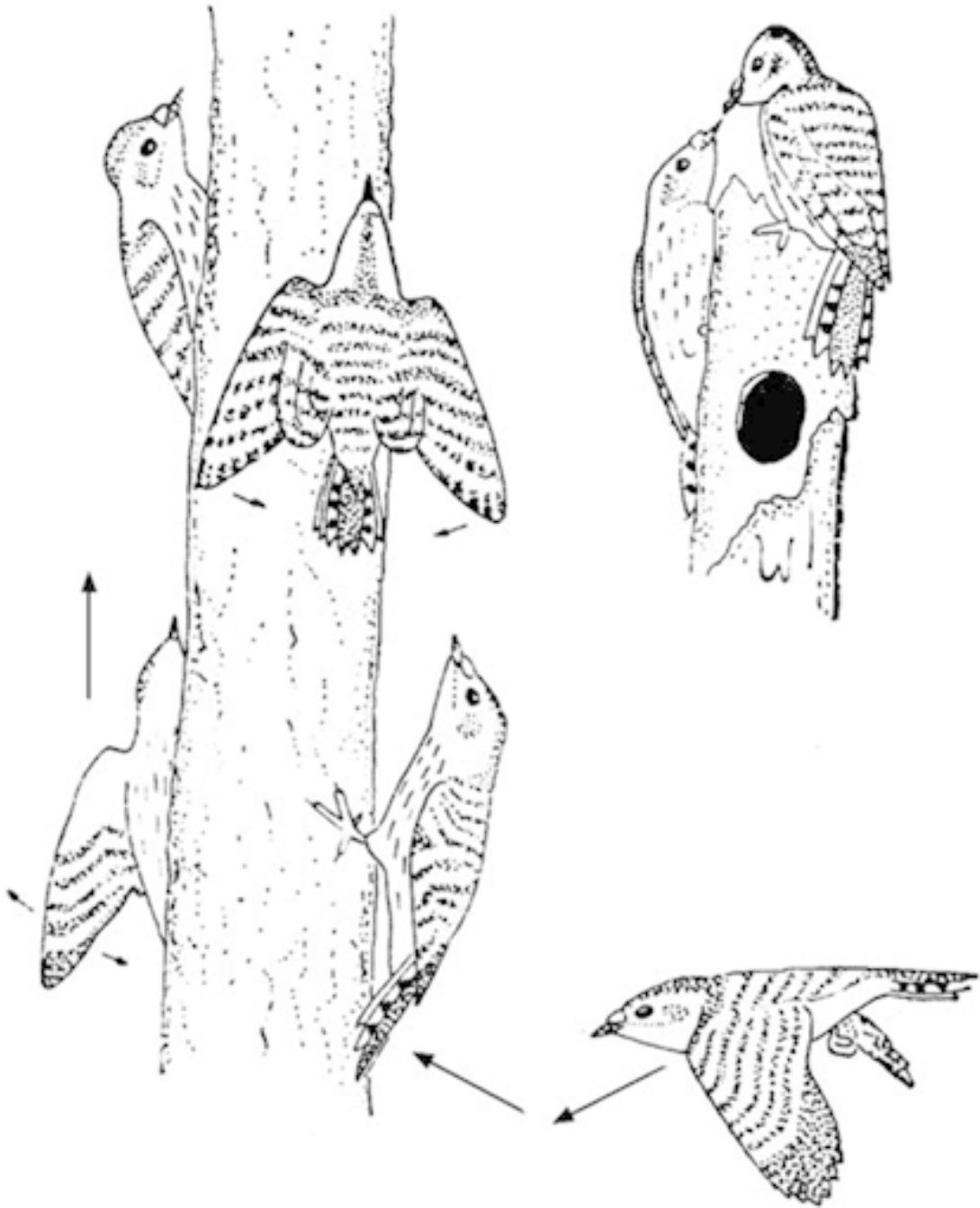
Ширококлювая мухоловка
Muscicapa dauurica

Синяя мухоловка
Cyanoptila cyanomelana

Первая зима. Синицы гаички

Наступило время вплотную заняться изучением образа жизни тех немногих видов птиц, которые остаются в холодное время года в заповеднике или прилетают сюда зимовать с севера. В окрестностях нашего поселка наиболее многочисленными оказались синицы – черноголовые, или болотные гаички. Этот вид очень близок к другому – буроголовой гаичке, именуемой также пухляком, с которым я был хорошо знаком еще в годы детства и юности. Сначала я, в роли юного натуралиста, принимал участие в прослеживании маршрутов стаяк этих птиц во время выездов на природу по выходным дням – под руководством Петра Петровича Смолина, а позже – Евгения Владимировича Флинта. Потом мы с моим однокурсником Мишей Шемякиным уезжали по воскресеньям за город на ловлю птиц, среди которых были и гаички, и их я не раз содержал дома в клетке.

Малый острокрылый дятел *Dendrocopos kizuki*

Я говорю обо всем этом потому, что черноголовая гаичка и пухляк относятся к категории так называемых видов-двойников, и в этом смысле представляют особый интерес для орнитолога. Поэтому я решил сосредоточить внимание именно на этих синицах и описать в деталях их социальное и сигнальное поведение. Для начала следовало поймать как можно больше особей, обитающих в окрестностях поселка и пометить их индивидуально.

Понятно, что методика отлова синиц была мне хорошо знакома. Чтобы поставить работу на поток, следовало первым делом обзавестись так называемой «манной птицей» («заманком») – гаичкой, которая, будучи приручена, играет роль «обманщика-предателя», издали привлекает издаваемыми ею звуками особей того же вида к ловушке. Для отлова я использовал устройство, издавна изобретенное русскими птицеловами. *Западня*, как ее называют, состоит

обычно из трех отделений. В самое просторное, находящееся посредине, сажают заманка, а в два другие, находящиеся по обе стороны этой центральной клетки, кладут приманку. Например, мучных червей (личинок жука мучного хруща, легко разводимого в домашних условиях) а при их отсутствии – зерна конопли. Внешние стенки боковых отделений – это дверцы, которые опускаются на пружинах до горизонтального положения. Они захлопываются, когда птица в попытке взять корм сдвигает сторожок.

Успех ловли зависит от вокальной активности заманка. Живя, вроде бы, в довольстве в теплом человеческом доме, такая птица оказывается в состоянии дефицита общения (так называемая *социальная депривация*). Поэтому, когда ее выносят в лес, она, едва услышав издали голоса своих сородичей, приходит в возбуждение и кричит («манит», как говорят птицеловы), почти не умолкая. Иметь такого крикливого заманка – это большая удача. Что касается ответных действий птиц, с которыми она перекликается, то их мотивы могут быть неодинаковыми. Самцы, например, стараются проведать, что это за чужак оказался в его владениях. В таких случаях говорят о «ловле на драку». В других случаях птицы, видя заманка в клетке, проявляют повышенное любопытство к самой западне – предмету, который они видят впервые. Сев на ловушку, птица замечает приманку и, если голодна, ей уже не уйти.

Пойманных гаичек я кольцевал, помечал разные участки их оперения желтым либо малиновым красителем и заносил в реестр под порядковыми номерами. Трудность состояла в том, что у гаичек самцы и самки совершенно не различаются внешне, так что половую принадлежность помеченных птиц я определял потом, по их поведению.

Хочется рассказать об одном забавном эпизоде. Как-то раз я разглядываю в бинокль помеченную гаичку и отмечаю в дневнике, что это птица № 28. Когда она начинает издавать звуки, я понимаю, что это в действительности не болотная гаичка, а пухляк. Вот почему эти два вида относят к категории «двойников». Я держал птицу в руках, кольцевал и наносил краску на ее оперение, не заметив при этом, что она принадлежит не к тому виду, который я изучаю. А все дело в том, что основные различия между болотной гаичкой и пухляком касаются не их внешнего облика, а лишь систем вокального поведения. Голоса тех и других хорошо различаются на слух.

В мое оправдание следует сказать, что до этого случая пухляк не значился в списке обитателей заповедника. Поэтому мне и в голову не приходило, что такая птица может оказаться в ловушке. В результате же перечень местной орнитофауны обогатился еще очередным новым видом.

В другой раз я впервые познакомился воочию с одним из тех видов пернатых, которые полтора года спустя стали излюбленным объектом моих исследований и оставались ими на протяжении сорока девяти лет, вплоть до 2009 г. (см. об этом в главе 11). Я имею в виду сорокопутов. Вот я сижу на полянке, в центре которой западня с перепархивающей в ней гаичкой. Внезапно та начинает отчаянно метаться, а в следующее мгновение на ловушку садится птица вдвое крупнее моего заманка. Она ломится сквозь прутья клетки, облетая ее справа и слева и пытаясь схватить гаичку. Все происходит настолько стремительно, что я не сразу понимаю, что настойчивый хищник – серый сорокопуд. Эти птицы – сравнительно немногочисленные зимние гости заповедника, прилетающие сюда с севера. В итоге – еще один новый для меня вид в фауне этого региона.

К началу весны я уже довольно много узнал о том, как организованы взаимоотношения в популяции гаичек в зимний период. Удалось установить, что молодые этого года рождения, став самостоятельными в первые два-три месяца жизни, покидают затем участок родителей. Обосновавшись в новом месте, такая особь проводит здесь всю зиму, кочуя в обществе других двух-четырех гаичек в пределах участка леса радиусом порядка 400 м. Такая группа состоит из семейной пары взрослых птиц, которые уже гнездились здесь в этот год и в предыдущие, и одной или двух особей-первогодков, переместившихся сюда осенью. В марте следующего года

молодая гаичка находит полового партнера. Сформировавшаяся пара занимает собственную гнездовую территорию близ места зимовки обоих молодоженов или кого-нибудь одного из них. Иногда им удается оставить за собой часть участка той пары взрослых, в пределах которого они держались зимой. Интересно, что такой раздел происходит вполне мирно, что говорит об отсутствии у этого вида того, что именуется строгой территориальностью. Насколько можно было судить по результатам двухлетних наблюдений, пары у гаичек сохраняются в первоначальном составе до гибели кого-либо из партнеров²⁰.

Я собрал также множество сведений о кормовом поведении этих птиц, убедившись в поразительном разнообразии способов добывания пищи – в соответствии с постоянно меняющимися внешними условиями. Они прекрасно осведомлены о степени обилия и доступности семян и плодов разных растений (травянистых и древесных пород) в разных точках своего участка обитания. Соответствующим образом организованы маршруты кочевок осенне-зимних стай. Когда запасы растительных кормов оскудевают с наступлением заморозков, эти синицы прилетают кормиться водными насекомыми. Они лазают под кромку наледей у берега реки, вытаскивают из воды личинок ручейников и поедают их, предварительно раздолбив клювом домик, сделанный из крупных песчинок.

В деталях было описано также все разнообразие поз и звуков, которые наблюдаются при взаимодействиях этих птиц друг с другом. Уже тогда мне показалось, что нет какой-либо однозначной связи между характером телодвижений, которые особь проделывает при сближении с другой, и самим контекстом социального контакта. Например, в период формирования пар самцы принимают одну и ту же характерную позу перед любой встреченной им гаичкой – будь то самец-соперник или потенциальный половой партнер. Как уже было сказано, у этих птиц самцы и самки не различаются по внешнему виду, так что можно было предположить, что такого рода демонстрации служат частью механизма опознавания пола. Если ответная реакция та же, что и транслируемый сигнал, то особь, выполняющая ее, скорее всего, – самец. Если же ответ иной, то этот второй участник взаимодействия может быть самкой, хотя и не обязательно.

Во всяком случае, напрашивалась мысль, что внутри всего разнообразия акций и поз, которые выглядели в качестве «сигнальных», очень трудно выделить некие однозначно выраженные их конфигурации и, соответственно, провести четкие границы между ними. Создавалось впечатление, что все они плавно переходят одна в другую. Или, иными словами, речь может идти о континууме, в основе которого лежат постепенные (подчас кратковременные) изменения физиологического состояния особи, например, уровня ее готовности вступить в прямой конфликт с другой. В поведении, которое я называл тогда «агрессивным», были условно выделены шесть таких уровней. Первому, низшему из них, соответствует следующее поведение: птица начинает ударять клювом о ветку, на которой сидит. На втором уровне она делает то же самое, но перевернувшись и повиснув спиной к земле. Третьему уровню соответствуют распушение оперения и короткие прыжки вдоль ветки, переходящие в полет в сторону оппонента, и т. д.

Все это важно в том отношении, что уже тогда у меня зародилось сомнение в справедливости господствовавших взглядов, согласно которым коммуникация у птиц осуществляется посредством неких высоко стереотипных (ритуализованных) демонстраций, обладающих определенным сигнальным «значением». Альтернативная схема описания и структурно-функционального анализа этой категории поведения птиц была разработана мною много позже, на примере других видов, именно, каменок. Об этом я расскажу подробно в главе 2. Схема, о которой идет речь, послужила основой моей концепции коммуникации у животных, изложен-

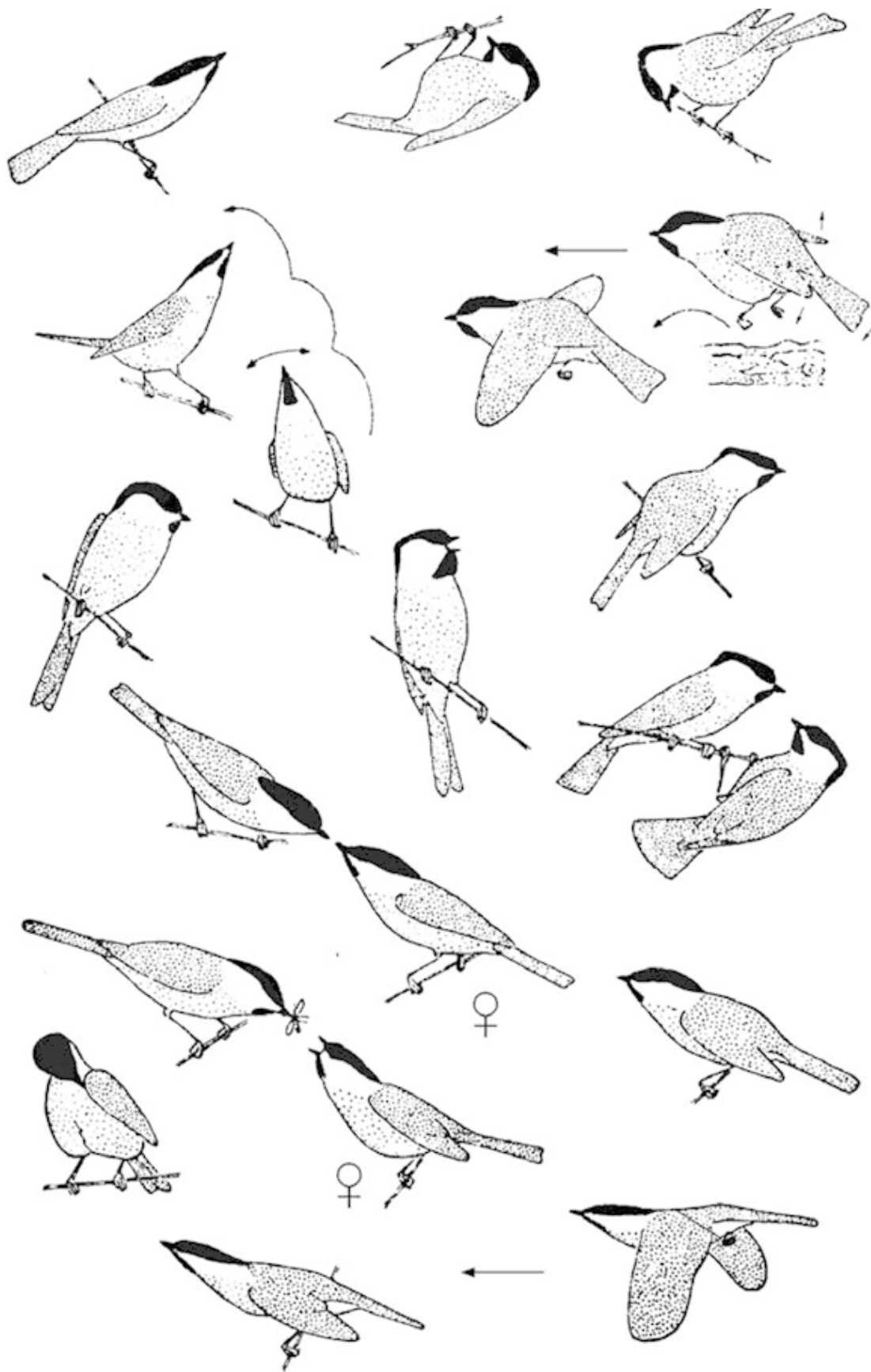
²⁰ Подробно об этом можно узнать из моей статьи «Биология и поведение черноголовой гаички *Poecile palustris brevirostris* Tasz. на крайнем юге Приморья» (с. 98–112 в: «Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока». Владивосток), а более популярном изложении – из главы 9 моей книги «Знаки, символы, языки (2010, изд. 7-е, дополненное и исправленное М.: ЛКИ. 502 с.).

ной в книге «Парадокс непрерывности: языковой рубикон. О непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека» (глава 13).

Что касается звуков, то в начале 1960-х гг. я различал на слух шесть разных акустических конструкций, лишь половина из которых казались действительно приуроченными к более или менее определенным ситуациям. Первый магнитофон отечественного производства «Романтик», работающий на батарейках, поступил в продажу лишь почти десять лет спустя. Он был довольно громоздким, но все же позволял каждому желающему успешно записывать голоса птиц. Позже я стал пользоваться гораздо более удобными в обращении иностранными миниатюрными диктофонами с встроенным либо выносным микрофоном, которые изредка попадались тогда в комиссионных магазинах.

Наконец-то уссурийские зуйки!

Приближалась весна, и я с нетерпением ждал того времени, когда смогу, наконец, приступить к изучению вида, интерес к которому привел меня в заповедник. Из старой орнитологической литературы я узнал, что уссурийские зуйки прилетают с зимовок в последних числах марта – начале апреля. Стало также ясно, что птиц этих найти будет не так просто. Вид считали редким. Правда, выдающийся русский орнитолог С. А. Бутурлин писал в 1910 г. следующее: «Видимо, уссурийский зук относится к числу тех редких видов, которые редки только потому, что обитают в пределах Российской империи, где людям некогда заниматься такими пустяками, как изучение родной природы».

Черноголовая гаичка *Poecile palustris*

Оказалось, все же, что ученый был в данном случае не вполне прав. Найти гнездящуюся пару зуйков, что дало бы возможность описать брачное поведение этих птиц, оказалось делом нелегким. Искать их следовало по берегам средней величины рек, текущих на восток с хребта Черные горы на границе СССР и Китая и впадающих в Амурский залив. Река Кедровка, где я ежедневно брал воду, для этой цели явно не подходила – она была слишком маленькой и лишенной обширных отмелей, пригодных для жизни уссурийских зуйков. Поэтому я решил начать поиски, обследовав берега реки Сидими, протекающей южнее заповедника.

К вечеру 8 апреля я, проехав пару часов на поезде, оказался на кордоне заповедника в поселке Верхний Сидими и переночевал здесь. С утра я прошел несколько километров вдоль реки Сидими²¹ и понял, насколько трудная задача меня ожидает. Отмели здесь казались огромными, несопоставимыми по площади с теми, на которых я изучал малых зуйков на реке Пра. Они были шириной метров по 100, и каждая простиралась в длину на 300–400 м. Отмели были совершенно голыми, лишенными какой-либо кустарниковой растительности, так что приблизиться незаметно к птицам, за которыми предстояло наблюдать, можно было только ползком, замирая в неподвижности время от времени.

Именно так мне пришлось вести себя, когда я, к своему восторгу, обнаружил пару зуйков. Записывать увиденное в полевом блокноте при таком положении дел было нереально. Поэтому я напряженно пытался сохранить в памяти как можно больше деталей тех уникальных событий, которые проходили у меня перед глазами. Лишь бы ничего не забыть, твердил я себе. К счастью, брачные игры повторялись с определенным постоянством с промежутками около полутора часов. Так я провел, лежа на влажном песке и глядя в бинокль, не менее шести часов.

Погода в этот день была пасмурная, а температура воздуха – где-то около 5 °С. К тому времени, когда я почувствовал, наконец, что надо заставить себя прервать наблюдения и передохнуть, меня билла крупная дрожь. Я встал и пошел и к полосе кустарника, окаймлявшего отмель с внешней стороны. Надо было наломать сухих веток и развести костер. Но руки тряслись так сильно, что даже эти простейшие действия давались мне с огромным трудом. Согревшись у костра и выпив кружку чая, я записал в дневнике все, что удалось увидеть, и сделал наброски поз самца и самки при их взаимодействиях около гнездовой ямки. «Дело сделано», – без конца твердил я себе торжествующе.

Оказалось, что брачное поведение уссурийского зуйка в общей схеме во многом сходно с тем, что мне было известно о зуйке малом. Впрочем, обна ружились и некоторые существенные различия. Например, и самец и самка перед брачными играми не бегут к гнездовой ямке, как это происходит у малых зуйков, а преодолевают расстояние до нее в полете. Самец, лежа в ямке, непрерывно издает особый звуковой сигнал, тогда как самец малого зуйка остается в это время молчаливым. Подробное описание различий в поведении этих видов содержится в статье, опубликованной двумя годами позже²². Она обратила на себя внимание одного из классиков отечественной зоологии, Владимира Георгиевича Гептнера²³, который, как я узнал позже от Н. Н. Воронцова, сказал, что «у нас появился, наконец, первый этолог». Несколько лет спустя совсем в другом месте (озеро Тенгиз в Казахстане) я наблюдал процесс спаривания у третьего вида, зуйка морского и добавил эти сведения к добытым в заповеднике.

Всего за эту весну я прошел в поисках зуйков по берегам Сидими и двух других рек того же характера около 35 км. За все эти экскурсии я встретил всего лишь 11 особей этого вида. В большинстве случаев это были одиночные птицы, преимущественно холостые самцы.

²¹ Позже, в ходе компании по ликвидации в Приморье всех китайских названий река получила новое имя – Нарва.

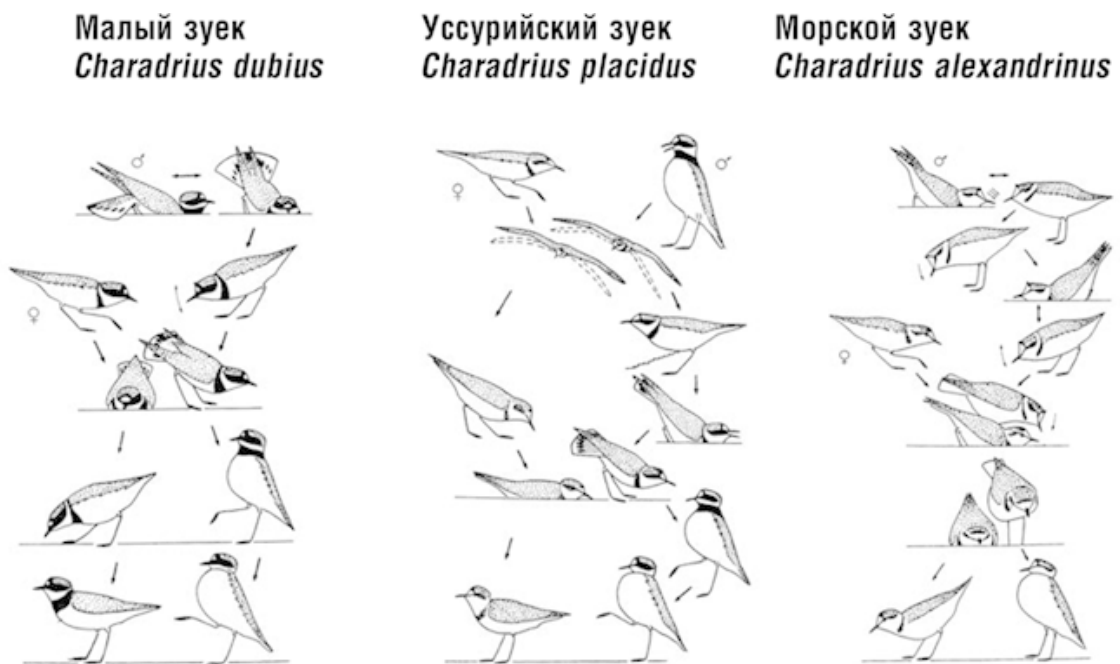
²² Подробное описание различий в поведении этих видов содержится в статье: Панов Е. Н. 1963. О систематическом положении уссурийского зуйка *Charadrius placidus* (по этологическим данным). Зоол. журн. 42 (10): 1546–1553.

²³ Гептнер Владимир Георгиевич (1901–1975) – отечественный учёный-зоолог, исследователь фауны Средней Азии. Профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ в 1934–1975 гг. Автор книг «Общая зоогеография» (М., 1936) и серии «Млекопитающие Советского Союза» (М., 1961–1976).

Наблюдения за их поведением позволили мне близко познакомиться с явлением так называемой *межвидовой территориальности*.

Дело в том, что на тех же отмелях гнездились в значительном количестве и мои любимые малые зуйки. Там, где особи обоих видов оказывались вместе, они конфликтовали друг с другом таким образом, словно принадлежали к одному и тому же виду. Я подробно описал две такие ситуации. В одном случае холостой самец уссурийского зуйка, удерживавший за собой большую отмель, не позволял обосноваться на ней парочке малых зуйков, которые намеревались устроиться здесь же. Хозяин территории третировал претендентов на нее в течение целого дня, изгонял их прочь каждый раз, когда пришельцы вновь и вновь прилетали на приглянувшуюся им отмель. Малые зуйки в конце концов оставили эти попытки и загнездились на соседней отмели.

В другом случае пара малых зуйков, в гнезде которых яйца были уже насижены, всячески препятствовала попыткам холостого самца уссурийского зуйка посещать небольшой островок – их гнездовую территорию. Особи этих двух видов существенно различаются по размерам (уссурийский зук примерно в полтора раза крупнее). Однако по окраске оперения эти виды весьма сходны, и именно это обстоятельство ведет к явлению, которое я называю «ошибками» в опознавании видовой принадлежности оппонента. Этот же фактор служит причиной гибридизации между близкими видами птиц и других животных, о чем будет подробно сказано в главах 2, 6, 8 и 11).

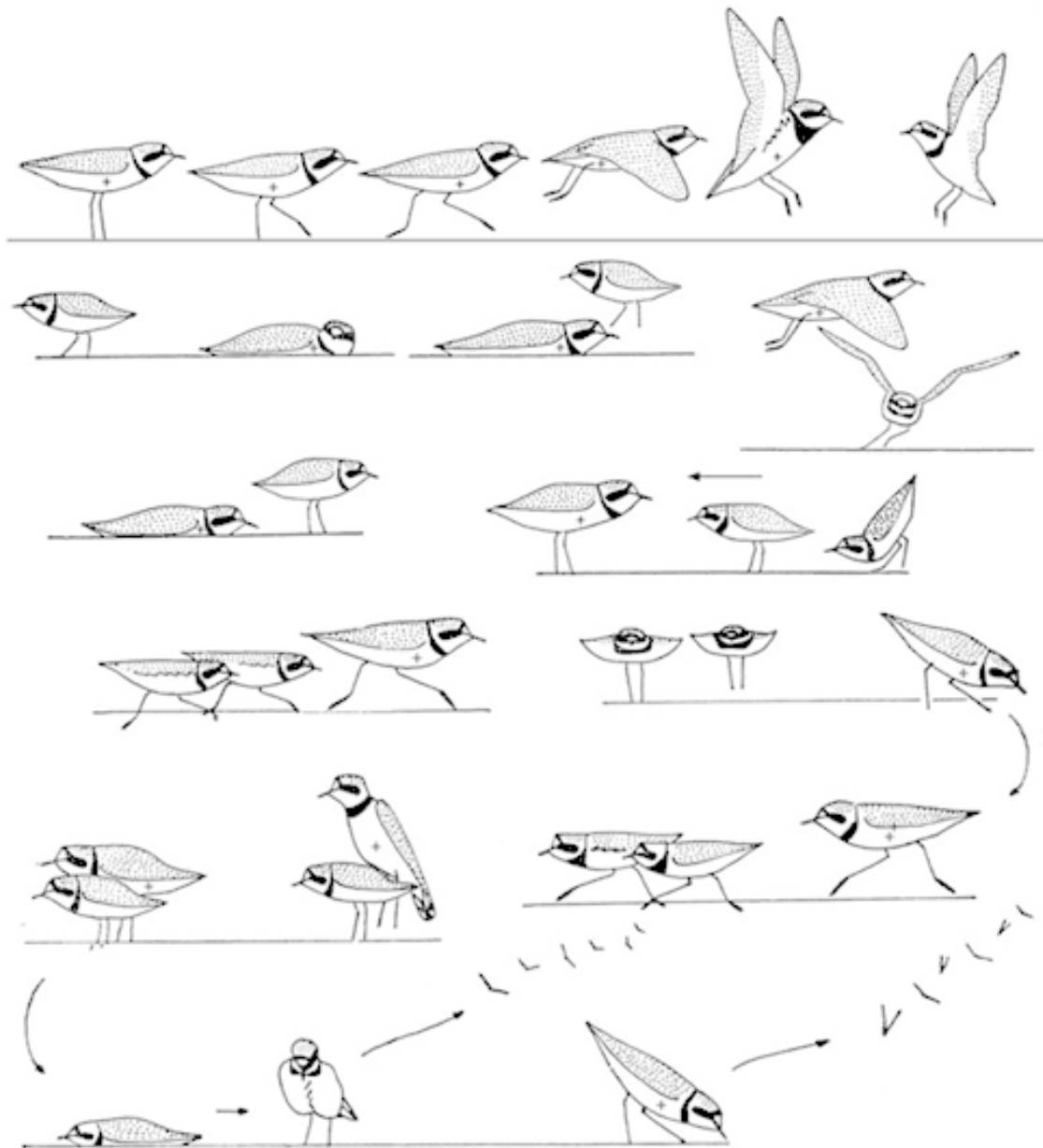

Различия в брачных ритуалах трех видов зуйков.

Наблюдения за ходом конфликтных взаимодействий между малыми и уссурийскими зуйками позволили мне выявить сходство и различия в агрессивном поведении обоих видов. Интересно, что различия эти оказались достаточно значительными, что не мешало представителям каждого вида устойчиво расценивать противника в роли конспецифика²⁴. Это в очередной раз наталкивало на мысль, что при взаимодействиях между особями детали демонстрационного поведения не несут информации решающего значения, а ход происходящего определяется скорее общим контекстом. Об этом же было сказано выше в разделе о синицах гаичках.

²⁴ Конспецифики – особи, принадлежащие к одному и тому же виду.

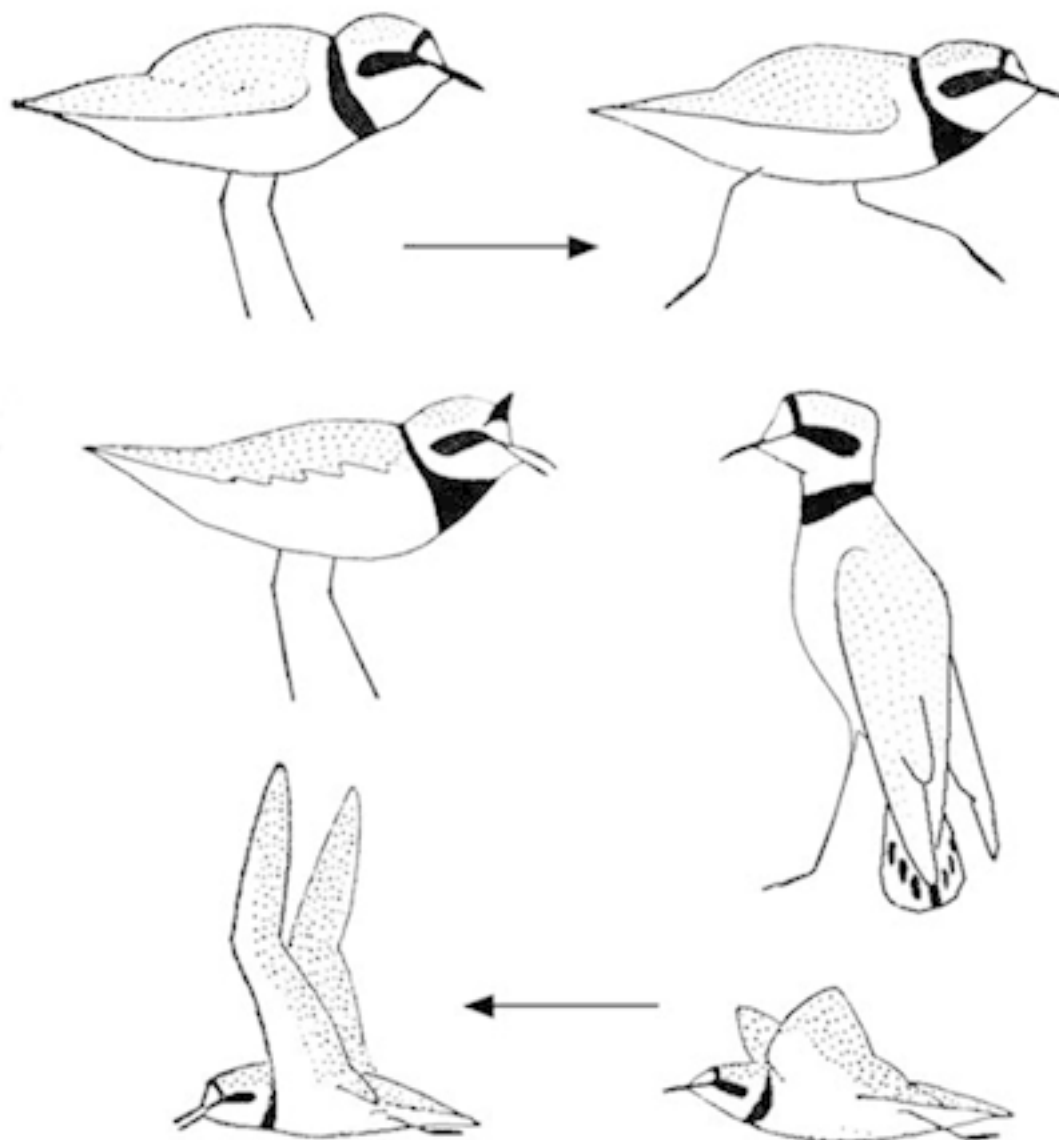
Полученные материалы легли в основу моей первой работы в русле так называемой сравнительной этологии. Это направление исследований дает фактический материал для суждений о том, какими могут быть преобразования поведения в ходе эволюции конкретной группы видов, родственных друг другу в силу их происхождения от некоего гипотетического общего предка. Кроме того, основываясь на степени различий в поведенческих особенностях сравниваемых видов, можно ориентировочно судить о самой степени их родства. А это момент, важный для систематики, занятой реконструкцией так называемых филогенетических деревьев, которые отображают ход процессов видообразования.

Конфликт самцов зуйка малого и уссурийского (помечен крестиком).

До того, как в моих руках оказались данные по сигнальному поведению уссурийского зуйка, некоторые орнитологи предполагали, что этот вид находится в очень близком родстве с галстучником, о котором я упоминал в начале этой главы, будучи чуть ли не его подвидом. Сравнение увиденного мной с описанием поведения галстучника, предложенным немецкими орнитологами, заставило меня отказаться от этой гипотезы. Много позже мне удалось описать

в деталях брачное поведение еще одного вида зуйков – морского. Оказалось, что здесь отсутствует такой компонент, как разворачивание самцом хвоста над гнездовой ямкой. Когда самка, готовая к спариванию, приходит сюда, самец отходит на пару шагов вправо или влево и остается здесь, развернув хвост веером, пока самка лежит в гнезде сбоку от него. Всё это говорит о том, что морской зук в составе рода *Charadrius* относится к группе видов, лишь отдаленно родственной той, куда относятся зуйки малый и уссурийский.

Уссурийский зук *Charadrius placidus*

Гнездо уссурийского зуйка мне удалось найти лишь на следующий год на большой отмели реки Адими²⁵. До этого были известны гнезда этого вида только из Японии, но не существовало описания облика пуховых птенцов. [за те же два летних сезона я нашел на отмелях трех рек 50(!) гнезд малого зуйка]. Найденное мной гнездо содержало четыре яйца, из-под скорлупы которых доносился громкий писк птенцов. Они должны были вот-вот вылупиться. Я просидел несколько часов поодаль от гнезда. Три птенца вылупились в половине шестого вечера. До кордона, где я жил в это время, идти было довольно далеко, и чтобы добраться туда до темноты,

²⁵ В 1972 г. переименована в р. Пойма.

надо было уходить. Я взял последнее оставшееся яйцо, зажал его в кулаке и пошел домой. Птенец продолжал отчаянно пищать.

Придя на кордон, я положил яйцо на лежанку русской печки, стараясь не привлекать к своей находке внимание хозяев. К счастью, уже подходило время ложиться спать. За ужином хозяйка один раз встрепенулась, заслышав писк. «Да это мыши», – сказал хозяин. Я не стал возражать, побыстрее снова спрятал яйцо в кулак и лег спать, мысленно приказав себе не сжимать кисть руки слишком сильно. Так я оказался в роли зуйка, насиживающего кладку. Птенец вылупился около часа ночи. На следующее утро я увез его с собой на базу заповедника.

Он прожил у меня несколько дней, питаясь мучными червями, и погиб в результате несчастного случая. За это время я успел пронаблюдать за поведением пуховичка, измерить его, сфотографировать многократно и сделать с него рисунок акварелью (цветная вкладка 1). Фотографию можно найти сегодня на моем сайте. Отпрепарированную тушку я позже передал в Зоологический музей МГУ.

Сорокопуть – подарок судьбы

Теплым солнечным утром 12 апреля следующего, 1962 года я вышел из дому, намереваясь пройти привычным, стандартным маршрутом по приморской равнине и посмотреть, как идет весенний пролет на берегу моря. Прямо от моего жилища в эту сторону шла просека, пробитая через заросли кустарника. Ее недавно расчистили, и большие кучи срезанных ветвей лежали сбоку от освободившегося прохода на равных расстояниях друг от друга.

Не доходя до одной из куч хвороста, я увидел на ее верхушке незнакомую мне птицу величиной поменьше скворца, которая вела себя необычным образом. Она держала хвост поднятым под углом к туловищу, задирала клюв кверху, странным образом вращала головой и при этом негромко пела. Тут я заметил, что в гуще срезанных веток снует вторая птица, более скромно окрашенная, которая, как мне показалось, что-то там разыскивает. События развивались стремительно. Первая из увиденных мной птиц тоже нырнула в гущу ветвей и, не переставая проделывать описанные телодвижения, стала по пятам следовать за второй.

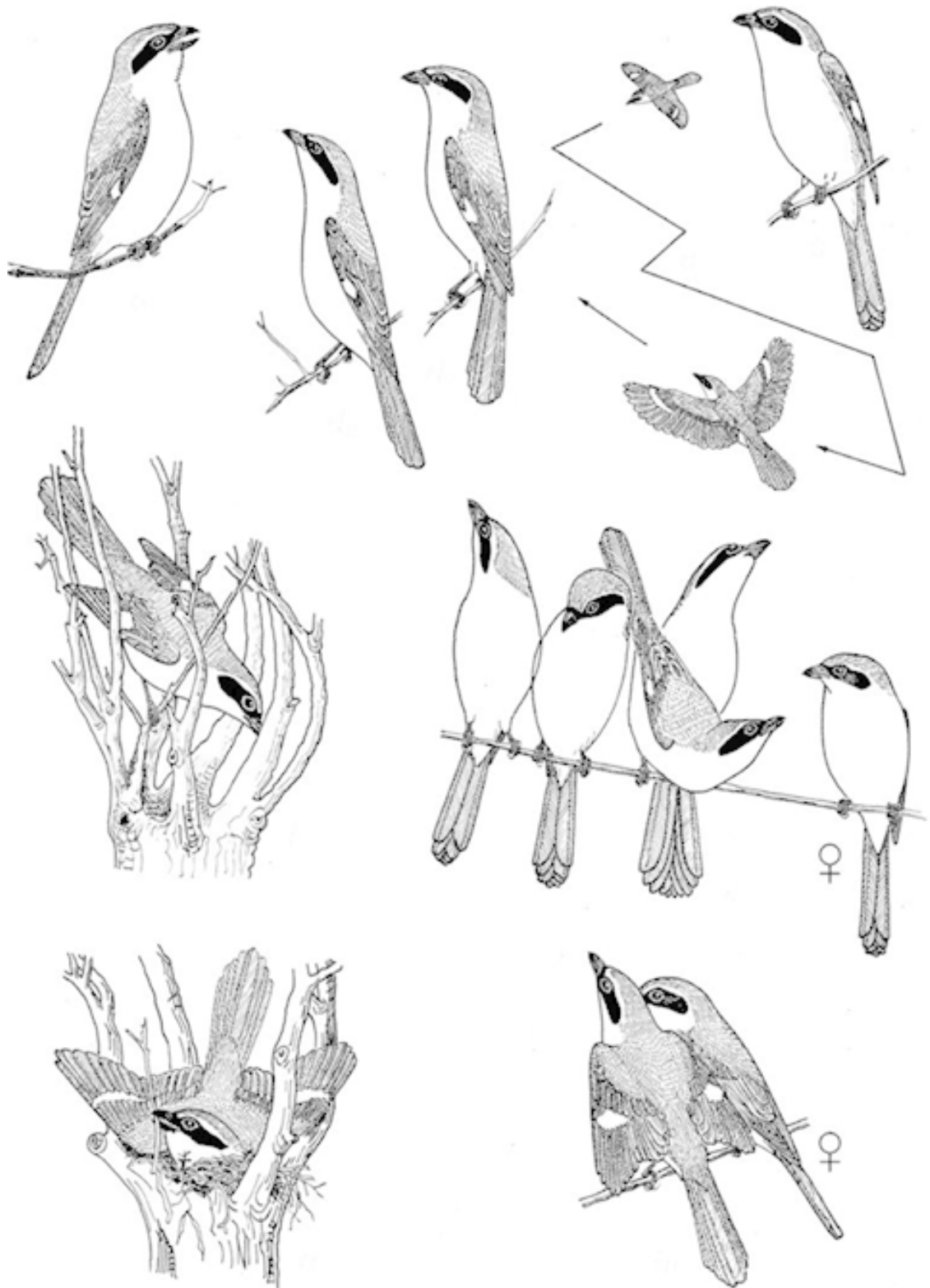
Это были японские сорокопуть, которые, как вскоре выяснилось, избрали кучу хвороста в качестве места для будущего гнезда. Уже три дня спустя самка приступила к его постройке. Но ей пришлось бросить почти готовое гнездо, поскольку 17 апреля прошел сильный снегопад, и оно оказалось засыпанным снегом. Пара переместилась в соседнюю кучу хвороста и здесь довела дело до конца. По прошествии пятидесяти двух дней, 9 июня, шесть молодых сорокопутов оставили свою колыбель. Но взрослые птицы после этого не покинули свой участок. Уже 27 июня я нашел их новое гнездо с семью яйцами, которое было на этот раз свито в нижней части кроны дикой яблони.

Еще одна пара загнездилась в начале апреля на той же просеке, тоже в одной из куч хвороста. Поскольку никаких сведений по биологии и поведению японских сорокопутов из пределов Приморья к тому времени собрано не было, я полностью сосредоточился на изучении образа жизни этого вида. Этим летом я нашел 19 гнезд японских сорокопутов.

Надо сказать, что мне в этом отношении неслыханно повезло. Позже я узнал, что в период длительностью шесть лет, с 1958 по 1963 г., японские сорокопуть гнездились в заповеднике только в этом, 1962 г., и, как следует из сказанного, были в это лето весьма многочисленными. Уже в следующие два года их можно было встретить здесь лишь изредка, а после короткого подъема численности в 1965 г., они почти полностью исчезли из этого региона.

Японский сорокопут *Lanius bucephalus*

Сибирский жулан *Lanius cristatus*

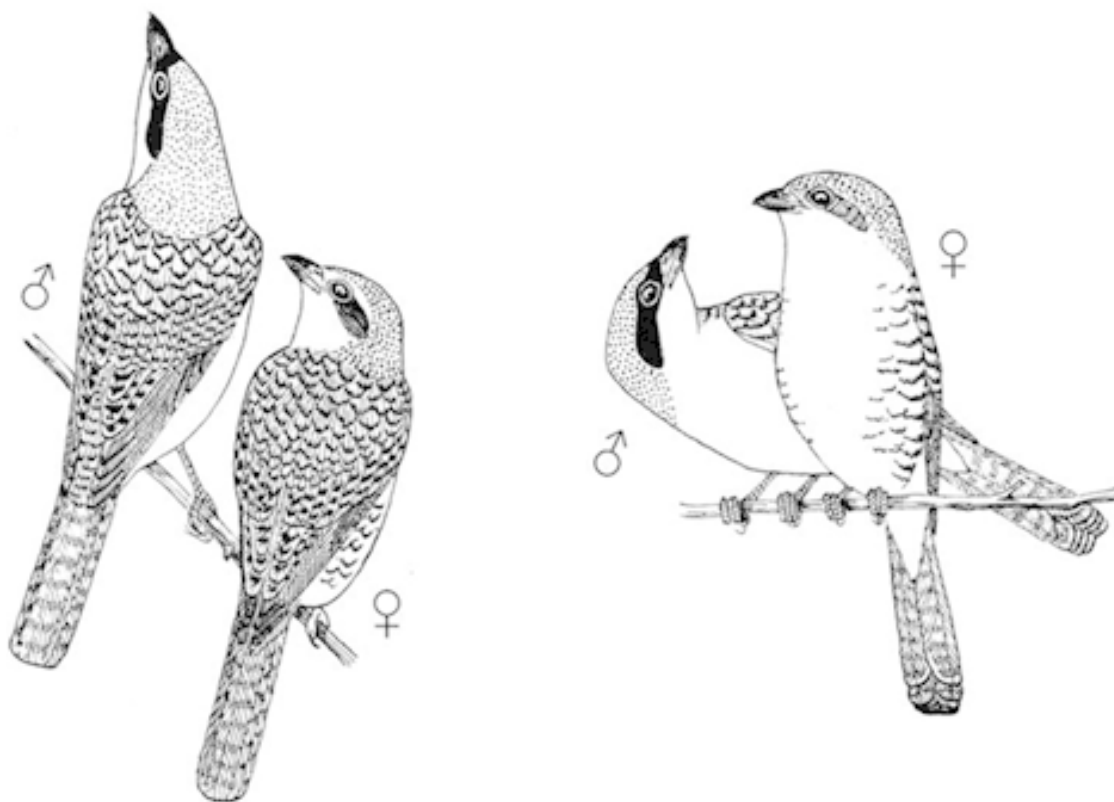
В то время как мои изыскания относительно повадок японских сорокопутов находились в самом разгаре, в начале мая в заповеднике и его окрестностях появились в изобилии представители другого вида сорокопутов – сибирского жулана. Представилась блестящая возможность детального сопоставления всех особенностей этих, сравнительно близких видов – способов

расположения и структуры гнезд, особенностей питания и, разумеется, деталей сигнального поведения, как характера демонстрационных поз, так и видоспецифической вокализации.

Оказалось, что в заповеднике гнездится еще и третий вид – тигровый сорокопут, прилетающий сюда с зимовок только на месяц позже японского и на два – сибирского жулана. В противоположность двум названным видам он мог быть отнесен к видам сравнительно редким, так что мне пришлось затратить немало усилий, чтобы получить достаточно сведений о его образе жизни.

Помимо всего прочего, на примере этих трех видов сорокопутов мне представлялась возможность проверить справедливость системы взглядов, выдвинутых крупным британским орнитологом Дэвидом Лэком. Они изложены, в частности, в его замечательной книге «Дарвиновы выюрки», которой мы с Назаренко были увлечены в то время.

Суть этих воззрений состояла в следующем. Близкие виды птиц должны занимать разные местообитания, поскольку в противном случае между ними возникла бы острая конкуренция из-за пространства и кормовых ресурсов. И, во-вторых, совместное их обитание в одном и том же ландшафте грозит опасностью тесных контактов между самцами одного вида и самками другого, что открывает возможность межвидовой гибридизации. Вспомним сказанное выше (в разделе «Мы в заповеднике!») относительно представлений Э. Майра о «стремлении» вида к сохранению своей целостности и генетической чистоты, осуществляемого посредством экологических изолирующих механизмов.

Тигровый сорокопут *Lanius tigrinus*

Когда зимой 1961–1962 гг. мы с Назаренко ездили в Иркутск, куда нас пригласили для участия в орнитологической конференции, организованной местным университетом, мы встретились там с Сергеем Павловичем Наумовым²⁶, братом неоднократно упоминавшегося

²⁶ Наумов Сергей Павлович (1905–1984) – отечественный учёный-зоолог и охотовед; доктор биологических наук, про-
44

Николая Павловича, человеком весьма независимых взглядов. Он отнесся к нам по-отечески и предложил посидеть в ресторане, где он хотел угостить нас шампанским. Разговор за столом зашел о том, чем именно мы занимаемся в заповеднике. Мы изложили ему систему взглядов Майра и Лэка, которые мы принимали безоговорочно, на что он сказал: «Неужели вы верите во всё это?».

Увы, тогда мы свято верили в эти построения, позже оказавшиеся, с моей точки зрения, чисто умозрительными, и именно на них построена последняя, теоретическая глава книги, об истории написания которой рассказывается в этой главе. Позже много усилий было затрачено мной, чтобы показать несостоятельность концепции, о которой идет речь. Впрочем, уже тогда у меня стали появляться сомнения в ее справедливости, и почва для них была заложена, в частности, при сравнительном изучении сорокопутов, которых я тогда ошибочно относил к категории «близких» видов.

Здесь, на первый взгляд, всё во многом укладывалось в предсказания гипотезы о важности экологических изолирующих механизмов. В самом деле, сроки весеннего прилета трех видов и начала их гнездования были разделены отрезками времени в месяц и более. В целом различными казались и типичные местообитания каждого вида. Сибирский жулан явно предпочитает гнездиться в кустарниках открытых пространств приморской долины и широких долин нижнего и среднего течения рек. Два другие вида тяготеют к более облесенным участкам местности в узких долинах верхнего течения рек и их небольших притоков, причем эта тенденция более выражена у тигрового сорокопута. Однако в тех местах, где эти типичные для видов местообитания граничат друг с другом, все три вида формируют смешанные популяции. Например, в долине одного из притоков реки Монгугай на площади 150 га гнездились *вперемешку* 12 пар сибирского жулана, шесть – сорокопута японского и три – тигрового. Каждая пара охраняла свою территорию от посягательств на нее особой как своего, так и двух других видов, то есть по принципу межвидовой территориальности, подобно тому, как это происходило во взаимоотношениях двух видов зуйков.

Таким образом, автоматически устранялась или, по крайней мере, существенно снижалась гипотетическая конкуренция за кормовые ресурсы. Вопрос, однако, состоит в том, являются ли различия между интересующими нас видами в сроках начала гнездования и в приверженности к тем или иным местообитаниям неким приспособлением, выработанным в эволюции ради устранения межвидовой конкуренции и предпосылок к гибридизации, или же причины становления различий, о которых идет речь, совершенно иные. Не таится ли здесь весьма распространенная ошибка, суть которой в том, что объяснение факторов, движущих некий эволюционный процесс, дают по наблюдаемому результату. В таких случаях глубинную сущность происходящего легко подменить его внешней видимостью²⁷.

Д. Лэк исходил из предположения, что такого рода различия выработались в качестве адаптаций в ходе *сопряженной* эволюции близких видов, которые ныне обитают совместно в одном и том же регионе. Однако он и его последователи не принимали во внимание совершенно иной сценарий. Почему бы не предположить, что каждый из них зародился и эволюционировал в другом месте, в существенно иных условиях, к которым и шло его приспособление (например, оптимизация сроков начала размножения при существовавших тогда особенностях местного климата). И лишь затем, расширив свои ареалы, несколько таких видов оказались членами ныне существующего сообщества.

фессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, заведующий кафедрой зоологии и дарвинизма МГПИ (1933–1975). Автор книг «Млекопитающие и птицы Гыданского полуострова: (Северо-Западная Сибирь)» (1931), «Тюлени СССР» (1933), «Экология зайца-беляка» (1947), «Зоология позвоночных» (2007, в соавт.).

²⁷ Этот способ «объяснения по результату» таит в себе опасность движения в порочном логическом круге.

Как мне удалось установить позже, эволюционная история трех видов сорокопутов может служить примером именно такого хода событий. В другой моей книге, опубликованной 49 лет спустя, сказано следующее. «Пути миграций и зимовок сибирского жулана и тигрового сорокопута очевидным образом свидетельствуют о том, что местом их зарождения были крайние пределы юго-восточной Азии (древний субконтинент Сунда). Расселяясь затем к северу, они освоили территорию современного Китая и южную часть российского Дальнего Востока в тот период, когда лесные массивы уступили здесь место саваннам. Как полагает А. А. Назаренко, это могло иметь место между 18 000 и 11 000 лет назад. Последующее расширение ареала сибирского жулана к северу и северо-западу, в регионы Сибири, происходило по мере того, как площади лесов сокращались здесь под воздействием хозяйственной деятельности человека, замещаясь открытыми пространствами. В результате этот вид расселился даже в высокие широты – вплоть до Полярного Круга.

Что касается японского сорокопута, то он, в отличие от сибирского жулана и тигрового сорокопута, совершает лишь короткие миграции. Существование локальной изолированной популяции этого вида в провинции Ганьсу (центральный Китай) позволяет предположить, что место возникновения этого вида было локализовано в Центральной Азии»²⁸. Выясняется, таким образом, что эти три вида не столь уж близки в своем происхождении, как мне казалось вначале.

Поездка на озеро Ханка

Выехать хоть раз за пределы заповедника и посмотреть места с изобилием водоплавающих птиц предложил мне сотрудник владивостокского Биолого-почвенного Института Владимир Абрамов. На станции Приморская я сел на поезд и, проехав на север около двухсот километров, встретился с ним в поселке Черниговка. Дальнейший путь был заранее оговорен им с местными жителями, хорошо знакомыми ему по предыдущим его экспедициям на озеро. Нас доставили в село Сиваковка, разместившееся на правом берегу реки Лефу²⁹, впадающей в Ханку с юга.

Пока шли на моторной лодке по реке, наш проводник все время сокрушался, что птиц ныне на озере стало мало по сравнению с прошлыми временами. Мне трудно было с ним согласиться: всюду до горизонта воздух был буквально наполнен стаями уток, летящими к северу. Был конец мая, а значит, весенняя миграция водоплавающих с зимовок еще не закончилась.

Мы въехали в озеро, и я недоумевал, где же удастся устроиться лагерем посреди водной глади, заросшей там и тут обширными куртинами осоки и прочей болотной растительности. Между тем лодка все больше удалялась от берега, и мои сомнения только усиливались. Володя же, видя это, вероятно, потешался в глубине души, ожидая, как я прореагирую на сюрприз, который он мне готовил.

Как оказалось, удивиться мне предстояло основательно. Прошло минут сорок, и мы причалили к островку площадью метров 50 на 20, над которым был выстроен деревянный помост значительно меньшего размера. На грунте, буквально пропитанном водой, жить нам едва ли было бы комфортно. Но помост предоставлял все условия для безбедного существования, благо на нем был выстроен еще и скромный домишко на одну комнату. Более того, несколько поодаль от него стояла дощатая кабинка, в которой я обнаружил настоящий фаянсовый унитаз. Эта деталь дизайна выглядела на окружающем фоне особенно фантастической.

Теперь Володе представилась, наконец, возможность посвятить меня в абсурдность всего увиденного. Пару лет назад, сказал он, СССР собирался посетить президент США. Шел слух,

²⁸ Panov E.N. 2011. The true Shrikes (Laniidae) of the world. Ecology, behaviour and evolution. Sofia-Moscow: Pensoft: 743–744.

²⁹ После вооруженного конфликта с китайцами за остров Даманский в Приморском крае (1969 г.) началось массовое переименование географических названий китайского происхождения. Река Лефу получила новое название: Илистая.

что прилетит он сначала на Дальний Восток, где ему собирались показать, в качестве одной из достопримечательностей, озеро Ханка, в момент его приезда как раз должны были цвести лотосы. С этой целью и была выстроена вертолетная площадка с минимальными необходимыми удобствами.

Здесь мы прожили несколько дней. Готовили еду на примусе, а я старался с помощью телеобъектива получить как можно больше снимков разных видов уток и цапель. К моему огорчению, лотосов увидеть не пришлось – цвести они начинают здесь только в конце июля. Но я был вознагражден за эту потерю обнаружением камышницы – птицы, которую на Ханке никто из орнитологов прежде не видел. Произошло это забавным образом. Мы с Володиёй ужидали, сидя за маленьким столиком, поставленным на краю помоста. Допили остатки спирта, и я бросил бутылку в заросли водяного ореха, покрывавшие всю поверхность воды на десятки метров вокруг. Тут-то из них, спугнутая внезапным всплеском, и вылетела в панике камышница. Так порой делаются «открытия» в области фаунистики.

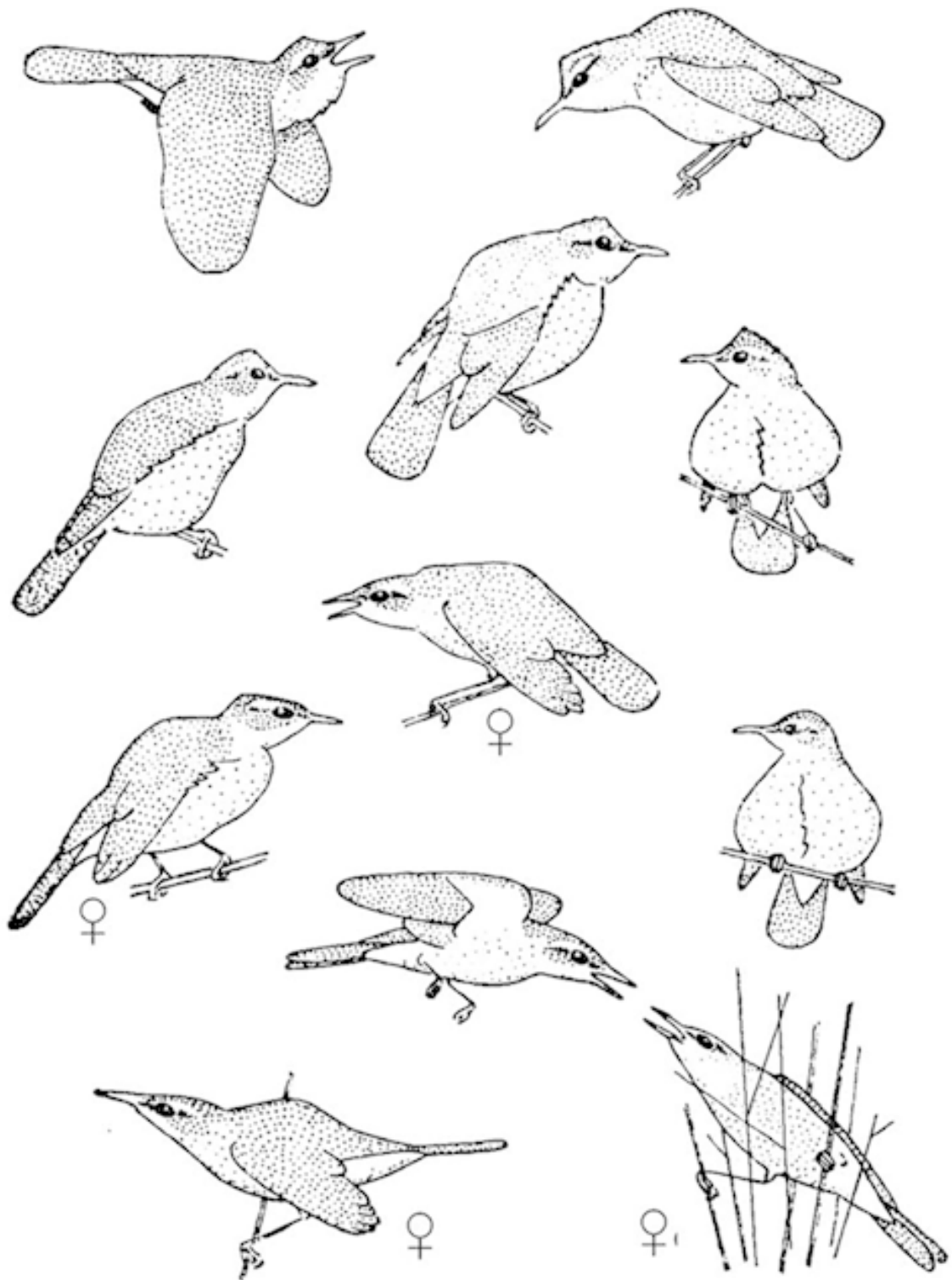
К сожалению, примерно через неделю Володя вынужден был, по намеченному заранее плану, вернуться во Владивосток. Он предлагал мне ехать с ним, но я решил остаться еще дня на три, заручившись обещанием, что за мной тогда пришлют моторку. Позже мне несколько раз пришлось пожалеть об этом своем решении.

На третий день у меня кончились продукты. А что, думал я, если организаторы экспедиции просто забыли о данном мне обещании? Пару дней я только и мог, днем и по ночам, прислушиваться, не раздастся ли вдали стук лодочного мотора. Это начало превращаться в какой-то кошмар – вплоть до появления звуковых галлюцинаций.

Но нет худа без добра! В результате мне удалось получить совершенно уникальные данные, которые было бы невозможно собрать в любых иных условиях. Одна сторона помоста далеко уходила от края острова и нависала над водой. Противоположный обрез настила не доходил до воды, и здесь полоска суши оставалась свободной. Вдоль нее тянулась жидкая поросль кустиков ивняка. Листва еще не развилась полностью, так что их кроны просматривались насквозь. Это предопределило успех последующих наблюдений. А их объект привлек мое внимание во многом из-за того, что иначе мне нечем было бы скрасить мое одиночество.

С момента моего приезда сюда на островке слышалось пение дроздовидной камышевки³⁰, но я поначалу просто отметил сам этот факт в дневнике. Основное внимание было сосредоточено на фотографировании и зарисовках шилохвостей, чирков-свистунков и уток еще нескольких видов – всего того, чего я не мог видеть у себя в заповеднике. Но когда я стал внимательнее присматриваться к происходящему, то вскоре выяснил, что заросли ивняка занимает не один, а целых шесть самцов. Они поделили между собой полосу кустарника, но преуспели в выборе территорий неодинаково. Наиболее плотные заросли располагались на участках трех самцов, а территория одного выглядела самой большой по площади, но ивняк на ней рос отдельными жидкими кустиками. Границы участков я установил, фиксируя места столкновений между самцами, живущими по соседству. Эти конфликты отнюдь не были ожесточенными, они носили довольно мирный характер. Противники лазали по ветвям, иногда совсем близко друг от друга, распушив оперение, слегка развернув хвост и издавая негромкое «крак, крак», иногда – фрагменты песни. Движения птиц замедлены, каждый как будто бы вглядывается в соперника. Вскоре они разлетаются, и начинают петь на своих участках. Подчас один из самцов преследовал нарушителя границы в воздухе, но полет при этом не стремительный, а скорее замедленный. После того птица сразу же возвращалась в пределы своей территории.

³⁰ В то время птицу считали относящейся к виду дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus*, а позже выделили в качестве самостоятельного вида: восточная дроздовидная камышевка *Acrocephalus orientalis*.

Восточная дроздовидная камышевка *Acrocephalus orientalis*

К тому времени, как я начал присматриваться к камышевкам (27 мая), только один из самцов успел обзавестись подругой. Ему же принадлежала наилучшая территория с наиболее пышными кустами. На следующий день около восьми часов вечера с участка другого самца (№ 3) раздавались гнусавый крик и трещание. Очевидно, как раз в это время здесь впервые появилась самка, которую я действительно увидел на этой территории утром следующего дня. Новобрачные еще двух самцов появились 30 мая и 1 июня. А те два самца, участки которых казались мне наилучшими, так и не смогли обзавестись партнершами до 4 июня, когда меня

забрали, наконец, с острова. Очевидно, в это время здесь впервые появилась самка, которую я хорошо разглядел на следующий день.

30 мая довелось увидеть взаимодействие, которое я посчитал началом формирования брачной пары. Самец и самка замедленными движениями лазали по ветвям неподалеку друг от друга. То одна, то другая птица еще более сближалась с партнером, словно бы разглядывая его. Когда самка подлезала к самцу сверху почти вплотную, тот слегка раскрывал клюв в ее сторону. Оперение самца сильно распушено, его поза практически не отличается от той, которую он принимает при пограничных взаимодействиях с соседом. У самки же, напротив, оперение плотно прижато.

В первые дни после формирования пары самец и самка часто вступают во взаимодействия не вполне мирного характера. Начинается все с того, что самка начинает издавать особые гнусавые звуки, нечто вроде «кукарррр», «чичикаррр» или «чаррчарр», иногда также негромкое карканье, напоминающее фрагмент песни самца и треск «кирррр». При этом она лихорадочно перелетает с места на место или лазает в кустах. В ответ самец подлетает ближе, лазает неподалеку, сильно распушив оперение, и произносит короткие куски песни. Когда же он пытается сблизиться с самкой, та поворачивается к нему, плотно прижав оперение, и пытается ударить его клювом. Так повторяется несколько раз. Затем самец приходит в сильное возбуждение, пытается приблизиться к ней то с одной, то с другой стороны. Сначала он проделывает это, перелезая по ветвям, затем начинает быстро трепетать крыльями, приподняв их над туловищем, и, наконец, взлетает и вьется в воздухе над самкой, трепеща согнутыми крыльями, слегка развернув хвост и раскрыв клюв. Он издает сиплое «си-си-си-си...» и подлетает к самке с разных сторон, а она поворачивается и пытается ударить его раскрытым клювом. Она приходит все в большее возбуждение и сама начинает бросаться на самца. Птицы кидаются друг на друга по очереди – создается полное впечатление, что они вот-вот начнут драться. Часто самка при этом сидит в гущине ветвей у основания куста и оттуда отражает наскоки самца.

Через пару минут самец оставляет самку, взлетает на куст и начинает возбужденно петь, при этом иногда трепещет крыльями. Самка же начинает перебирать клювом оперение, иногда окунает грудь в воду и встряхивается. Подчас в ответ на вокализацию партнеров появляется самец с соседнего участка, при этом хозяин территории оставляет самку и изгоняет пришельца на лету, после чего сразу же возвращается, но в момент возвращения самка его уже не интересуется.

Пока самцы остаются холостыми, они поют активно весь день, кончают петь около 22 ч, затем лишь время от времени издают короткие выкрики и снова начинают петь с часу ночи. Самец, образовавший пару, в последние дни поет меньше, не сплошь, а отдельными выкриками по два-три колена, вечером кончает петь ранее других. Особенно мало такие самцы поют в первые два дня после образования пары. Когда четыре самца образовали пары и стали петь меньше, ослабилась активность пения и двух самцов, оставшихся холостыми. Однако они пели заметно интенсивнее самцов, состоявших в парах, хотя вечерний промежуток в пении стал короче (с 21 ч 40 мин до 23 ч 40 мин). 2 и 3 июня тот из двух холостых самцов, который обладал наилучшим участком, почти не пел ночами.

К постройке гнезда птицы приступают в течение первых двух дней после формирования пары. У той, что образовалась 1 июня, на следующий день самка, после нескольких сексуально-агрессивных взаимодействий с самцом, описанных выше, подобрала с земли короткую соломинку и лазала с ней по кустам, пытаясь засунуть между стеблем и черенком листа. Вскоре она бросила соломинку, но спустя некоторое время взяла сухую травинку длиной 30 см, и некоторое время носила ее с собой. Однако 3 июня сооружение гнезда еще не началось. Самка из другой пары приступила к постройке гнезда через день после своего появления на участке около 17 ч. Она скрепила три параллельные ветви ивняка около их вершины, на высоте примерно в 2 м, кое-как переплетя листья соседних стеблей. Потом стала носить сухие травинки,

которые закрепляла на каждом стебле, зацепляя за черешки листьев. В это время самец лазал рядом, держа в клюве пучок ивового пуха и пытался укрепить его между стеблями и черешком листа, явно мешая самке. Пух падал, самец поднимал его и снова пытался зафиксировать в разных местах. Ночью дул сильный ветер, и все, что было сделано накануне, оказалось разрушенным.

На следующий день (31 мая) эта самка еще полдня пыталась строить гнездо в том же самом месте, но потом бросила начатую постройку и приступила к работе в другом месте. А 1 июня основание гнезда было практически уже готово. Самец сел на гнездо, переложил с места на место пушинку. Самка трудилась все время, чем дальше, тем больше уделяя времени работе. Основание гнезда было свито из сухой травы, потом на него был уложен слой ивового пуха, затем – снова трава. Принеся новую порцию строительного материала и уложив его, самка всегда на несколько секунд ложится в гнездо. В конце работы она загибает травинки внутрь гнезда. Птица достраивает гнездо еще в течение двух дней после того, как оно выглядит совершенно законченным, и даже после откладки первого яйца. В целом на всю работу уходит не менее недели. Пока самка собирает строительный материал, самец иногда летает вслед за ней. К гнезду они обычно возвращаются вместе, и пока самка работает, самец тихо сидит рядом. Таким образом, участие самца в постройке гнезда носит чисто ритуальный характер.

Все эти интимные детали поведения трудно было бы проследить в обычных условиях, особенно у тех пар дроздовидной камышевки, которые гнездятся не в ивняке, а в тростниковых зарослях, что для этого вида наиболее характерно. Описать в деталях весь процесс самых первых этапов гнездования мне помогло еще и то, что я был на острове совершенно один и не отвлекался ни на какие другие дела.

Мы вынуждены уехать из заповедника

На третий год нашего с Наташей пребывания в заповеднике обстановка в нем начала осложняться. Назревал конфликт между нашим коллективом из трех человек и директором А. Г. Панкратьевым. Он был хорошим натуралистом³¹, но не нашел себя в науке, и потому, видимо, ревновал к нашей увлеченности полевыми исследованиями. Не преуспел он и в качестве администратора – егеря относились к нему скептически.

Вспоминается такая сценка. Я сижу в конторе перед А. Г. Он, готовясь сделать мне очередной выговор, достает папиросу из пачки «Беломора» и, прежде чем закурить, отрывает с края на ее переднем конце кусочек папиросной бумаги вместе с крошечной щепоткой табака. Так он делал всегда, оттягивая начало серьезного разговора. Входит егерь Н. Н. Щербаков. Он слегка «под мухой» и начинает что-то возбужденно бормотать. Панкратьев говорит в ответ: «Николай Николаевич, уходите отсюда. Я мне надоело слушать ваш пьяный бред!». На что тот отвечает: «Я ухожу, потому что не хочу слышать ваш трезвый бред...».

Основная претензия Панкратьева к нам, «научникам», состояла в том, что мы «все делаем для себя, а не для заповедника». Как-то в начале года он сказал: «Я долго был хорошим, а теперь решил стать плохим. Будете по утрам приходиться в контору и заниматься повседневными делами» – вместо того, чтобы шастать целыми днями по тайге. А что касается полевой работы, то я, например, по его словам, должен оставить эту никчемную возню с сорокопутами и заняться изучением рябчика – вида, важного для народного хозяйства, поскольку он служит объектом спортивной охоты. Мы, разумеется, не подчинились и продолжали гнуть свою линию.

Со стороны Панкратьева посыпались жалобы начальству Биолого-почвенного института во Владивостоке, в подчинении которого находился заповедник. Там наш директор нашел пол-

³¹ Мы даже совместно написали небольшую книжку в соавторстве с тогдашним директором владивостокского Биолого-почвенного института: Васильев Н. Г., Панкратьев А. Г., Панов Е. Н. 1965. Заповедник «Кедровая падь». Владивосток. 58 страниц плюс 48 фотографий, преимущественно моих.

ную поддержку не только со стороны руководства Института, но и, что было главным, в лице высшего начальства – А. С. Хоментовского, члена-корреспондента АН СССР и председателя Президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР. Тот был постоянным гостем Панкратьева и пользовался из его рук «дарами природы», в частности, красной икрой нерки, браконьерски добывавшейся в заповеднике.

Особенно конфликт обострился после следующего эпизода. Проходя как-то вдоль Кедровки, я заметил странное бурление воды в метре-двух от берега. Это билась выдра, попавшая в капкан. Я был в высоких резиновых сапогах и опрометью бросился на помощь животному. Но это оказалось не в моих силах. Свирепый зверь размером с собаку средней величины мгновенно прокусил мне сапог. Я понял, что в одиночку не смогу освободить выдру. Вылив воду из сапога, я напрямик направился к Панкратьеву.

«Александр Георгиевич, – спросил я, – а кто это ловит капканами выдр всего лишь в километре от базы заповедника?». «Понимаете, Евгений Николаевич, – последовал ответ, – ведь я тоже зоолог и должен собирать материал по биологии млекопитающих». «Но не в заповеднике же отлавливать животных, находящихся под охраной закона!» – говорю я. И мы пошли освобождать выдру. Операция прошла успешно. Покалеченный зверь заковылял в сторону от реки, полежал неподвижно минут двадцать и ушел в сопки.

На следующий день я, выбрасывая мусор на помойку, увидел среди прочего хлама стопку музейных этикеток. Не помню точно, сколько их было, но кажется, что-то около десяти. На каждой было написано: «Выдра речная *Lutra lutra*» и место добычи: заповедник «Кедровая падь». Тут я вспомнил, что чуть ли не в первый день нашего пребывания в заповеднике Панкратьев намекнул мне, что мы смогли бы зарабатывать, поставляя материал для изготовления шапок из пушнины. Я тогда лишь удивленно посмотрел на него, и разговор не возобновлялся.

Поскольку мы вынуждены были отстаивать свои позиции в заповеднике любым доступным способом, я ухитрился передать этикетки в дирекцию Института (из заповедника во Владивосток Панкратьев нас не отпускал). Но эффект оказался обратным. Панкратьева не наказали, а давление на нас усилилось. Дошло до того, что вызвали комиссию для проверки нашей работы аж из Москвы. Приехавшие полностью одобрили наши результаты и даже удивлялись тому, как много нам удалось сделать за два года. Но наше положение от этого не улучшилось. На нас ополчилось все руководство Института. Единственным человеком, который оказывал нам посильную моральную поддержку, был ботаник В. А. Розенберг, автор книги «Леса СССР. Том 2»³². Я с благодарностью вспоминаю его участие в нашей судьбе.

Особенно раздражало власть предрежащих наше «умствование» и «теоретизирование», как выглядели в их глазах попытки осмысливать накапливающиеся фактические данные в свете эволюционной теории. Упрекали нас и в том, что мы все время ссылались на авторитеты западных ученых. К их числу ими был причислен, по недоразумению, и наш крупный отечественный ученый Георгий Францевич Гаузе, выдвинувший и подтвердивший экспериментально так называемый принцип конкурентного исключения (именуемый иногда законом Гаузе), согласно которому два близких вида не могут устойчиво существовать в ограниченном пространстве³³. На одном из заседаний ученого совета Института, куда нас вызвали «на ковер», заведующий лабораторией паразитологии, доктор биологических наук, профессор П. Г. Ошмарин высказался примерно так: «Ссылаются все время на иностранцев, на какого-то Гаузе...». Назаренко, состоявший, как и я, в должности старшего лаборанта, в ответ сказал: «Петр Григорьевич, я бы не стал на Вашем месте столь публично демонстрировать свое невежество. Гаузе – выдающийся советский ученый».

³² Розенберг В. А., Васильев Н. Г. 1969. В: Леса СССР. Том 2. М.: Наука.

³³ В 1934 г. в США была опубликована на английском языке книга «Борьба за существование» (The struggle for existence), оказавшая большое влияние на дальнейшее развитие экологии.

Вскоре после этого Назаренко перевели из заповедника на Горно-таежную станцию, что близ города Уссурийска, а мы с Наташей собрали вещи и уехали в Москву. Таков был мой первый опыт ознакомления с порядками в нашей прославленной Академии наук (тогда с приставкой СССР, много позже – Российской Федерации).

Жаль было оставлять эти замечательные места. Перед отъездом я в последний раз вышел на берег Кедровки. На мелководье в этот момент держались несколько голубых сорок. Они перепрыгивали с камешка на камешек, держа вертикально, чтобы не замочить, свои длинные, ступенчатые бирюзовые хвосты. Эта безмятежная картина еще долго оставалась в моей памяти, ассоциируясь с ностальгией по заповеднику.

Второй приезд в заповедник

Это случилось три года спустя, когда я жил и работал уже в совсем другом месте – в новосибирском Академгородке, в Лаборатории эволюционной генетики Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР. Заведующий лабораторией Николай Николаевич Воронцов³⁴ настаивал на том, чтобы я по материалам, собранным в заповеднике, написал кандидатскую диссертацию и как можно скорее защитил ее. Во время работы над диссертацией мне впервые пришла в голову идея оформить ее в виде книги.

Я сказал об этом Воронцову и добавил, что хорошо было бы дополнить материал, собрав данные о птицах необследованных территорий крайнего юга Приморья. Шеф дал добро и предложил мне в спутники Владимира Михайловича Смирнова, опытного таежника, состоявшего в коллективе нашей лаборатории. Обдумав план поездки, мы с ним решили сначала побывать в самом заповеднике, а затем проделать пеший маршрут в горную часть Хасанского района, никем никогда не исследованную. Это хребет Чанбайшань, по которому и ныне проходит государственная граница между Россией и Китаем.

В заповеднике мы остановились в том самом доме, где я жил в прежние годы и который теперь пустовал. Никого из старых моих сослуживцев здесь уже не осталось, сменился директор. Им был теперь орнитолог Владимир Михайлович Поливанов. Уже на следующий день была запланирована поездка в поселок Посьет, где базировалось начальство Хасанского пограничного отряда. Там нам следовало получить пропуска в зону, непосредственно прилегающую к государственной границе, включая участки, лежащие за контрольно-следовой полосой.

По железной дороге Владивосток-Хасан нам нужно было проехать 110 км прямо на юг, до станции Махалино. В те годы поезда на Посьет еще не ходили, и нам пришлось добираться туда на автобусе. К счастью, этот отрезок пути занял у нас не более получаса. Посьет – это поселок городского типа, расположенный на Новгородском полуострове, вдающемся в залив одноименного названия. Местный морской порт лежит примерно на широте Сочи. До южной границы СССР в Приморском крае, где начинается территория Северной Кореи, отсюда всего лишь 53 км³⁵.

Мы переночевали на базе владивостокского института ТИНРО³⁶, где нас приютил экспедиционный отряд ленинградских гидробиологов, основательно выпались, а к началу рабочего дня отправились на прием к пограничникам. Когда мы получали пропуска, офицер, выдававший их, сказал: «Если вы встретите там китайских пограничников, и они будут предъявлять вам претензии, говорите, что это территория наша согласно договорам 1858 и 1960 годов». Как мы увидим позже, Смирнов крепко запомнил это наставление и держал в памяти до тех пор, пока три недели спустя мы случайно не забрели в Китай.

Ландшафт крайнего юга Хасанского района между поселками Посьет и Хасан резко отличается от того, который характерен для заповедника «Кедровая падь» и окружающих его территорий. Это открытая всхолмленная равнина с разбросанными там и тут небольшими рощицами

³⁴ Воронцов Николай Николаевич (1934–2000) – доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники (1990). В 1964–1971 гг. – учёный секретарь по биологическим наукам в Президиуме Сибирского отделения Академии наук СССР и, одновременно, заведующий лабораторией генетики популяций в Институте цитологии и генетики этого подразделения Академии. В 1972–1977 гг. – директор Биолого-почвенного института во Владивостоке и профессор кафедры зоологии в Дальневосточном государственном университете. Позже – один из создателей (вице-президент) Российской академии естественных наук. В 1989 г. – народный депутат СССР от научных обществ, член Комитета по науке Верховного Совета СССР. В 1989–1991 гг. – председатель Государственного комитета СССР по охране природы (единственный министр союзного правительства, не входивший в состав КПСС). В 1991 г. – министр природопользования и охраны окружающей среды СССР.

³⁵ Это самая короткая сухопутная граница России с другим государством, ее длина составляет 17 км.

³⁶ Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии.

монгольского дуба. Ландшафт, довольно однообразный, оживляется присутствием множества мелководных озер, самые обширные из которых – Тальми и Хасан. Смирнов оказался в Южном Приморье впервые и не хотел возвращаться в заповедник сразу, не ознакомившись с здешней природой. Я охотно пошел ему навстречу, поскольку и сам ранее не бывал в этих местах. Было очевидно к тому же, что новые сведения о птицах, которые я смогу получить здесь, будут совсем не лишними в моей будущей кандидатской диссертации.

АКАДЕМИЯ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт цитологии и генетики

Новосибирск - 72

Тел. 9-79-89

Уч. 630-1678

И. МОНЯ 1965 г.

В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК
ТИХООКЕАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Институт цитологии и генетики СО АН СССР просит разрешить младшему научному сотруднику Института ПАНОВУ Евгению Николаевичу провести сбор научного материала (коллекции птиц и мелких млекопитающих) в следующих точках Хасанского района: в окрестностях озера Хасан (в частности, в долине реки Туманган и у Голубинового утеса); в верховьях рек Сидими (Синий утес), Монгугай, Рязановка, Эльдуга и Сандуга.

Институт просит разрешения на фотосъемку некоторых редких видов животных и растений.

Директор
Института цитологии и генетики
СО АН СССР
член-корреспондент АН СССР

 (Д.К. БЕЛЯЕВ).

Хорошо, что мы догадались захватить с собой одноместную палатку. Доехав на попутной машине до поселка Лебединое, расположенного ближе всего к озеру Тальми, переночевали здесь на железнодорожной станции, а утром отправились к нему пешком. Мы провели в этих местах пять дней и не пожалели об этом.

Для Смирнова новым было все увиденное. А мне постоянно не давал покоя какой-то странный звук – негромкое глухое гудение, источник которого я никак не мог определить. Подходишь тихо-тихо к месту в траве, откуда он слышится – ничего, а звук идет уже не оттуда, хотя, кажется, тот, кто его издает, очень близко. Смирнов ухитрился все-таки застрелить этого «кого-то». Им оказалась птица трёхперстка, обитающая в России только на крайнем юге Приморья. Наш выдающийся орнитолог Леонид Александрович Портенко (1896–1972) неизменно называл ее «триперсткой», утверждая, что именно так «правильно по-русски»³⁷. Замечательна она и тем, что токуют неподалеку друг от друга не самцы, а самки. Они крупнее особей сильного пола и окрашены гораздо ярче их. Именно самка и оказалась в нашей коллекции. Трёхперсткам свойственна также так называемая *реверсия половых ролей*: яйца насиживают только самцы.

Во время экскурсий по берегам озера и в его окрестностях я нашел гнезда тигрового сорокопуга и овсянки Янковского – вида, который в пределах России встречается только здесь. Позже, когда мой первый учитель-орнитолог Владимир Евгеньевич Флинт, страстный коллекционер птичьих яиц, узнал, что у меня есть гнездо и кладка этой овсянки, он сказал, что отдаст за него все, чего я только захочу. Так я приобрел толстый том рисунков классика анимализма Джона Одюбона «Птицы Америки».

Поход на хребет Черные горы

24 июня мы вернулись в заповедник, откуда собирались приступить ко второму этапу нашей экспедиции, гораздо более сложному. Собравшись основательно, доехали на поезде до поселка Нижний Адими, и по долине реки Адими двинулись вверх по ее течению на запад, в сторону границы с Китаем. Уже начало смеркаться, но мы решили заночевать позже, преодолев хоть часть пути к пограничному хребту. Ночь оказалась безлунной, а темнота такая, что «хоть глаз выколи». Разумеется, никакой дороги здесь быть не могло, так что шли мы по «целине», чертыхаясь, когда попадали в густые заросли. Хорошего места для ночевки все не попадалось, и мы упрямо шли до рассвета. Первоначально такое не планировалось и отчасти поэтому мы не запаслись хорошими фонарями. Правда, более важной причиной было желание сократить до минимума вес наших рюкзаков – ведь всю провизию на недельный переход нам пришлось нести с собой. В итоге мы пытались противостоять полной темноте с помощью маленького фонаря-«жужжалки», который работал только при непрерывном нажатии рукой на рычаг и давал очень мало света.

Внезапно преграды в виде кустарниковых зарослей почему-то исчезли, и мы пошли по ровному месту. Это казалось чудом в столь глухой местности, но мы в тот момент не придали этому особого значения. Позже выяснилось, что мы прошли с десяток километров по хорошо расчищенной контрольно-следовой полосе, наступать на которую не имеют права даже сами пограничники. А я проделал этот путь в новеньких *китайских* кедах.

Ранним утром мы вышли прямо к избушке, принадлежащей системе пограничного надзора. Войдя в нее, мы увидели человеческое существо небольших габаритов, лежащее на нарах под чем-то, отдаленно напоминавшим одеяло. Смирнов, крупный мужчина с хорошо поставленным голосом, желая быть услышанным сразу, гаркнул: «Здравия желаем!». Паренька словно ветром сдуло с нар, и он тупо уставился на нас. Мы показали ему наши пропуска и сели завтракать, чем Бог послал. Не исключаю, что мы выпили и по несколько глотков спирта из фляжки, извлеченной из рюкзака Смирнова. Разумеется, этот момент нашей трапезы мы постарались не афишировать перед Лёней (так, кажется, звали солдата).

³⁷ У большинства видов семейства трёхперсток (Turnicidae), обитающих в субтропиках и тропиках Старого Света, на ноге только три пальца, а не четыре, как почти у всех птиц.

Покончив с завтраком, мы завалились спать на нарах. Разбудил нас какой-то беспорядочный шум в помещении. Спустив ноги с нар, мы увидели, что прямо перед нами стоит Лёня, взяв на изготовку автомат Калашникова. До противоположной стены было менее трех метров, так что дуло автомата почти касалось наших колен. «П-п-предъявите ваши документы», – бормотал Лёня. Он был совершенно пьян: пока мы спали, он обследовал содержимое рюкзаков, нашел фляжку и отпил из нее хорошую порцию.

Мы попытались напомнить солдатику, что он уже проверил наши документы. Но тот был непреклонен и продолжал настаивать на своем. А мы опасались двигаться, полагая, что он может нажать на спуск случайно. Долго все это продолжаться не могло. «Давай отнимем у него ружье», – тихо сказал я Смирнову. «Да неудобно разоружать пограничника при исполнении служебных обязанностей», – ответил он. Нам оставалось только пассивно ожидать дальнейшего развития событий, полагаясь на счастливый случай. К счастью, порция спирта, «принятого на грудь» Лёней, была достаточно велика. Он начал пошатываться и, наконец, свалился на пол, выпустив автомат из рук.

В середине дня к избушке подошли еще двое пограничников. Они рассказали нам, что Лёня утром, пока мы спали, звонил на заставу и почему зря материл начальство. Когда тот проснулся, они стали говорить ему, что его ожидают большие неприятности, и что для оправдания ему надо говорить: «Я упал с дерева». Ничего умнее им в голову не приходило.

Мы со Смирновым поняли, что эта компания не слишком нам подходит и, несмотря на то, что шел сильный дождь, решили двигаться дальше. Обширная вырубка, посреди которой стояла избушка, заросла травой нам по грудь. Эта буйная травянистая растительность была буквально пропитана водой, так что, когда мы дошли до леса, одежду можно было выжимать. Пройдя несколько километров по тайге, мы увидели толстый поваленный кедр. Кое-как нам удалось поджечь его снизу, где еще оставались участки коры, не пропитанные насквозь водой. Огонь был настолько хорош, что наши вещи быстро высохли даже на дожде. Мы поставили двухместную палатку и легли спать.

Утро наступило чудесное, всюду светило солнце. Нам предстояло для начала подняться на гребень хребта. В седловинах его высота не превышала 300 м над уровнем моря, так что подъем оказался несложным. Спустя пару часов мы увидели «забор» из колючей проволоки. За ней простиралась владения Китая.

Дальше нам следовало двигаться по гребню хребта на север, оставляя колючую проволоку слева. Трудно было признать, что ограда, разделяющая территории двух великих держав, пребывает в идеальном состоянии. Проволока была насквозь ржавой, столбы, которые должны поддерживать ее на весу, во многих местах сгнили и упали, так что она лежала на земле, кое-где свитая в безобразно запутанные кольца. В таких местах «забор» скрывался в высокой траве.

Неудивительно поэтому, что спустя какое-то время мы обнаружили, что колючая проволока идет уже не слева, а справа от нас. Стало ясно, что мы уже в Китае. «Это территория наша, согласно договору 1860 года!» – дико заорал Смирнов. В этот момент я увидел нечто, что в тот момент интересовало меня больше, чем территориальные отношения двух государств. На верхушке высокого полусгнившего пня покоилось массивное гнездо довольно редкой птицы – золотистого дрозда. В нем были уже сильно подросшие птенцы. Я осмотрел гнездо, занес данные в полевой дневник, и мы отправились назад, на родину. С тех пор мне в Китае не пришлось побывать ни разу.

Погода была крайне неустойчивой, что вообще характерно для летних месяцев в Приморье. В один из дней дождь и туман были настолько сильны, что нам пришлось целые сутки пролежать в палатке. Мне приходилось вылезать из нее по малой нужде, а Смирнов издавна выработал методику, которая избавляла его от этого. Он возил с собой грелку, трубка от которой выводилась наружу под боковой стенкой палатки, так что у него проблем с этим не было. Гораздо труднее оказалось в темноте пропитанной водой палатки, при слабом свете фона-

ря-«жужжалки», извлечь клеща, присосавшегося в самой глубине его пупка. Не помню точно, но, кажется, голова клеща там и осталось, что сильно обеспокоило нас обоих, поскольку в этих местах совсем нетрудно было заработать клещевой энцефалит.

Дней через пять-шесть мы вышли к верховьям реки Сидими, так что настало время спускаться вниз по ее долине. Вскоре перед нами показалась избушка пограничников, вроде той, с посещения которой начались наши приключения. На этот раз, к счастью, она была пуста, и мы решили заночевать в ней. Беда была в том, что Смирнов все-таки заболел. У него поднялась температура, и он сразу повалился на нары. Провизия у нас кончилась полностью, а больного спутника следовало хоть чем-то покормить. Я приготовился сварить бульон из ошейниковой совки, которую мы подстрелили для коллекции по дороге.

Но птичка была уж слишком мала, и я решил попробовать хоть как-то увеличить порцию мяса для вечерней трапезы. Около избушки держалась парочка седоголовых дятлов. Я зашел в избушку, зарядил ружье и приоткрыл дверь настолько, чтобы видеть происходящее вокруг, оставаясь невидимым для этих птиц. Но их следовало как-то заинтересовать, чтобы они приблизились на расстояния выстрела. Поэтому я начал подражать, как мог, их голосу. Держа ружье наизготовку высунутым в дверную щель, я раз за разом повторял тонким голосом нечто вроде «кю-кю-кю-кю...». Как ни странно, прием сработал, и мне удалось застрелить одного из дятлов. Бульон из него и совки, сваренный в солдатском котелке, оказался достаточно наваристым, хотя и совершенно пресным: соли у нас уже не было.

Увы, на этом наши неприятности не закончились. На следующий день, когда мы шли вниз вдоль пологого склона долины, Смирнов вдруг сказал: «Жень, смотри, вокруг воронки дымятся». Я насторожился, но мог лишь ответить что-то вроде того, что дымятся они не слишком сильно и что процесс уже закончился. «Но никто не сказал, что не могут появиться новые», – заметил он. Так или иначе, мы стали подозревать, что попали под обстрел, куда более серьезный, нежели ружейный.

Спрятаться было негде – кругом рос лишь жидкий кустарник. Это-то нас и спасло. Мы увидели, что в нашу сторону мчится на полной скорости военный джип. Из него выскочил разгневанный майор в сопровождении двух солдат. «Хорошо, что мы увидели вас и прекратили учения», – закричал офицер. «Мы стреляем минами такого-то калибра, и осколки, как пчелки разлетаются и поражают все живое вокруг». Это была шутка, но следующий вопрос был задан уже вполне серьезно, если не угрожающе. «А что вы, вообще, здесь делаете?».

Мы шли от китайской границы в таком месте, где пребывание каких-либо людей казалось военным совершенно необъяснимым. Они были уверены, что поймали шпионов. Представьте себе, как могли выглядеть двое, проводившие более недели в глухой тайге. Помню лишь, как сквозь дыры в тренировочных брюках Смирнова просвечивало его малинового цвета нижнее белье. К тому же мы оба были вооружены, а на груди у каждого висел полевой бинокль. Смирнов вытащил откуда-то из-за пазухи полиэтиленовый пакет с нашими пропусками, долго возился, извлекая их из пачки других бумаг, и инцидент был, таким образом, исчерпан. Мы пошли дальше, а солдаты, стоящие вокруг гаубиц, провожали нас недоуменными взглядами. Через три-четыре километра, когда мы вышли уже на дорогу, то увидели шлагбаум с надписью: «Стрельбище. Проход и проезд запрещен».

Снова в заповеднике. Когда мы вернулись на базу, лето было в разгаре: заканчивалась первая декада июля. Я решил поработать здесь хотя бы пару недель, чтобы уточнить некоторые детали, важные для моей будущей диссертации.

Незадолго до этого сюда на летнюю практику приехал студент МГУ, имени которого я, к сожалению, не запомнил. Он уговорил нас включить его в нашу бригаду на время работы в заповеднике. С ним связана пара забавных эпизодов, так что я буду далее называть его *N*. Он

до приезда в заповедник читал мой очерк о заповеднике в альманахе «На суше и на море»³⁸, где я упомянул, что в этих местах обитают дальневосточные леопарды. Чуть ли не при первой встрече *N* усомнился в справедливости этого утверждения. И вот, на следующий день мы с ним вдвоем решили отправиться в тайгу, где в восьми километрах от базы располагалась избушка, в которой в разные годы хотя бы по разу переночевали все зоологи, посещавшие заповедник³⁹.

До избушки оставалось идти совсем немного, когда я боковым зрением уловил какое-то движение за разреженным кустарником, окаймлявшим лесной ручей. Первая мысль, мелькнувшая в мозгу, была совершенно нелепой. Передо мной стал образ женщины в цветастом платье, стирающей белье. Взглянув в бинокль, я понял, что это леопард, который переворачивал лапой камни в русле ручья. Я прошептал в сторону моего спутника: «Вон, смотри, леопард...».

Незадолго перед этим начало смеркаться, и я решил, что при таком освещении пополнить мой фотоархив интересным трофеем уже вряд ли удастся. Идти с тяжелым, «дальнобойным» телеобъективом «Таир» наперевес было не слишком удобно, и я буквально за несколько минут до этого заменил на его моем фотоаппарате на маломощный, с фокусным расстоянием всего лишь 130 мм. Теперь я сильно пожалел об этом. Но можно было попробовать подойти ближе и хотя бы взглянуть на зверя. Я обошел по большой дуге русло ручья до того места, где можно было выйти прямо к воде так, чтобы видеть весь этот отрезок течения. Леопард все еще продолжал искать что-то под камнями. До него было всего лишь метров 25. В этот момент у меня под ногой хрустнула ветка. Зверь поднял голову, повел хвостом и не спеша скрылся в кустарнике.

На этом этапе экспедиции нам с Володей Смирновым предстояло ознакомиться с видовым составом птиц по долине какой-либо реки, типичной для этих мест, в ее среднем течении. Для этого следовало подняться по сопкам на несколько километров к западу от нижней границы леса, а затем спускаться вниз вдоль русла, обследуя оба склона по бортам долины. Дело в том, что характер растительности различен на склонах разной экспозиции: южный, обращенный к северу, покрыт хвойно-широколиственной⁴⁰ лиановой тайгой, а северный – лесами из монгольского дуба. Неодинаковы и сообщества птиц, населяющих эти местообитания.

Склоны в этих участках долин местных рек довольно крутые. В принципе, мы с Володей могли разделиться и двигаться независимо друг от друга по разным склонам. Но поскольку он был в Приморье впервые, ему было интересно осмотреть оба. В результате нам пришлось перемещаться челноком: мы шли несколько сот метров по средней части склона, отмечая видовую принадлежность поющих здесь птиц, затем спускались вниз, поднимались на противоположный склон и повторяли все сначала, раз за разом. Думаю, что Н. Н. Карташёв, если бы мог видеть меня сейчас, остался бы доволен таким стилем моей работы.

Студент *N*, который отправился на экскурсию вместе с нами, какое-то время пытался не отставать, но вскоре проявил характер, сказав, что такое абсурдное (как ему казалось) поведение не для него. Мы согласились с тем, что ему не никакой необходимости карабкаться по склонам вместе с нами, так что он вполне может идти вниз по течению вдоль русла. Впрочем, передвижение по кромке крупнокаменистого днища реки, заросшей густым кустарником и перегороженной тут и там мощными валунами и стволами упавших деревьев, едва ли можно было назвать приятной прогулкой.

Надо сказать, что вся эта экспедиция мало что прибавила к той общей картине распространения птиц по разным местообитаниям, которая сложилась у меня ранее в годы постоянной работы в заповеднике. Но такова и была задача поездки – уточнить правильность этой схемы путем рекогносцировочных маршрутов еще в одной точке Приморья. Новым оказался

³⁸ Панов Е. 1963. Кедровая падь. Фотоочерк. На суше и на море: 534–539.

³⁹ Их и мои автографы в том числе, запечатлены на бревенчатых стенах этого строения.

⁴⁰ Хвойные породы – пихта черная и кедр корейский.

лишь факт присутствия в равнинной местности одного вида (толстоклювой пеночки), пребывание которого в этом регионе ранее было известно только в высокогорьях. Но в фаунистике, которую я считаю преднаукой, «курочка, – как говорится, – по зернышку клюет». Она поставляет сырой первичный материал для последующих теоретических построений. На основе такого рода данных А. А. Назаренко в последующие годы реконструировал исторические процессы становления фаун юго-восточной Азии вообще, и Приморья в частности. Я же пошел по другому пути – в попытках понять сущностные характеристики того, что именуется *сигнальным поведением* птиц, а позже – и других животных. О том, как развивались мои интересы в этом направлении, я расскажу в следующей главе.

Глава 2. «Механизмы коммуникации у птиц»⁴¹

В 1966 году, на второй год моего пребывания в Новосибирском Академгородке началась, наконец, давно планируемая череда ежегодных экспедиций нашей лаборатории в южные районы тогдашнего Советского Союза. Задача, которую поставил перед собой руководитель этого проекта, Н. Н. Воронцов, была, в основе своей, близка целям моих фаунистических исследований в Южном Приморье. Иными словами, предстояло уточнить видовой состав, на этот раз млекопитающих, этих обширных регионов, недостаточно изученных к тому времени тамошними зоологами. Неясным оставался, в частности, вопрос о том, какое количество видов грызунов (полевок, песчанок, сусликов, тушканчиков) реально населяет обширнейшие пространства пустынь, полупустынь и низкогорий Средней Азии, Казахстана и Закавказья.

Дело в том, что как раз в эти годы особое внимание зоологов привлекли к себе так называемые «виды-двойники». Суть явления в том, что животные, относящиеся к двум разным видам, неразличимы по внешнему облику, но обладают существенно разной генетической конституцией⁴². На рубеже 1950-х и 1960-х гг. были разработаны методы распознавания таких видов по количеству, величине и форме хромосом. Сумму этих признаков в то время считали чуть ли не главным показателем генетической уникальности видов. Их выявление требует специальных тонких методов, так что наша экспедиция должна была быть оснащена полевой генетической лабораторией.

Ее комплектация и подготовка к отъезду начались с первыми проблесками весны. Участниками экспедиции были Н. Н. Воронцов, его жена Елена Алексеевна Ляпунова, Севиль Ибрагимовна Раджабли, Ксения Ляпунова, Александр Дмитриевич Базыкин⁴³ и Олег Юрьевич Орлов, который присоединился к отряду позже, приехав на место его работы из Москвы. Среди них я был единственным орнитологом, достаточно далеким, к тому же, от вопросов генетики млекопитающих. Поэтому я решил, не тратя попусту весеннего времени, наиболее драгоценного для исследователей поведения птиц, отправиться в путешествие первым и поджидать машины с оборудованием и коллег уже на стартовой точке последующего маршрута.

Этим пунктом было решено считать Ашхабад – столицу тогдашней Туркменской Советской Социалистической Республики, или попросту Туркмении, как все называли эту страну тогда. Чтобы не отпускать меня одного, Н. Н. Воронцов дал мне в спутники сотрудника нашей лаборатории Петра Иосифовича Гуральника, который входил в состав участников экспедиции.

Прилетев на самолете в Ашхабад, мы с Петей направились напрямиком в Институт зоологии, где с тех пор меня и моих коллег много лет принимали «на постой» самым радушным образом. И речи не было о том, чтобы отправить нас в гостиницу. В распоряжение гостей отдавали какой-нибудь кабинет, где те спали прямо на полу в спальнях мешках.

Так было и на этот раз. Ашхабад произвел на нас впечатление типичного колониального города. Большие каменные дома были выстроены только на центральной улице. На других – низкие одноэтажные, в стандартной побелке, среди высоких деревьев с тенистыми кронами. На лужайках между такими строениями там и тут видишь одногорбых верблюдов. Женщины в национальной одежде, преимущественно разных оттенков красного. И настоящий восточный базар.

⁴¹ «Механизмы коммуникации у птиц». 1978. М., Наука. 306 с.

⁴² О них будет подробно рассказано в главе 8.

⁴³ Базыкин Александр Дмитриевич (1940–1994) – физик, математик, биолог, крупный специалист в области математического моделирования пространственно-временных процессов, происходящих в популяциях и экологических сообществах. Разработал концепцию опасных границ допустимых воздействий на экосистемы и критериев приближения к таким границам. Его работы на стыке математики и биологии существенно обогатили обе науки.

В фойе Института нас встретил вахтер – туркмен в полосатом халате, с выбритой головой в тибетейке. На одном из двух стульев сидел он сам, а на другом лежал его головной убор из бараньего меха. Он полностью занимал сидение, а вьющиеся пряди черной шерсти свешивались по краям.

Я открываю для себя новый объект исследований

Ранним утром следующего дня мы с Петей сели в пригородный автобус в предвкушении новых впечатлений от встречи с природой, совершенно нам прежде незнакомой. По совету того же вахтера мы направились в Фирюзу⁴⁴ – традиционное место загородного отдыха жителей Ашхабада. Примерно через полчаса пути мы оказались в неширокой долине речки Фирюзинка, пробившей узкое русло в днище Арчабильского ущелья. Оно прорезает северные отроги горного хребта Копетдаг, который тянется в широтном направлении, с запада на восток, разделяя территории Туркмении и Ирана.

Узкое русло горной речки с бурлящей кристально чистой водой окаймляли густые заросли ежевики и прочих колючих кустарников, над сплетением которых там и тут возвышались купы высоких деревьев с зеленовато-серой слоистой корой и широкими густыми кронами. По характеру листвы они напоминали наши клены, но как называлась эта порода деревьев, нам было неизвестно. Лишь позже мы выяснили, что это платан восточный, по местному – чинар. Крупные деревья явно иного облика, еще более экзотического с точки зрения жителей Западной Сибири, откуда мы прибыли, оказались впоследствии грецким орехом. Справа и слева от этой полосы долинной растительности круто поднимались вверх голые серые скалы, у верхнего уреза которых их гладкая поверхность пересекалась параллельно идущими горизонтальными террасами выветривания. А там, где стены ущелья были ниже, кое-где просматривались далекие заснеженные гребни хребтов Копетдага. Вся эта картина, в лучах утреннего солнца субтропиков, выглядела для нас, тогдашних сибиряков, поистине потрясающей воображение.

Но меня, разумеется, в первую очередь интересовали местные птицы. Я предложил Пете разойтись и пойти разными маршрутами. Так можно было более рационально использовать время экскурсии: каждый увидит что-то новое, а затем поделится с другим своими наблюдениями. Встретиться мы договорились на автобусной остановке часа через два.

Я прошел вдоль реки до устья горного ручья, впадавшего в нее, и направился вверх по его течению. Всюду, где кустарник уступал место участкам с травянистой растительностью, буйно цвели крупные маки с карминно-красными чашечками и черными основаниями лепестков. В эту экскурсию я насчитал 19 видов птиц. Среди них были хорошо известные мне из прошлого орнитологического опыта. Это виды с широкими ареалами, охватывающими обширные территории Евразии, а то и нескольких материков. К их числу относятся, скажем, ворон и сокол-пустельга. Других я узнавал как близких родичей знакомых мне видов, которым, казалось бы, не место в этом гористом ландшафте. Вот я вижу поползня, но лазает он не по стволам сосен и берез, как в Подмосковье, а по крутой, почти отвесной скальной стенке. Летает с песней крупный жаворонок, у которого, в отличие от европейских полевого и лесного, горлышко украшено двумя крупными черными пятнами. Неизвестных мне птиц я зарисовывал в блокноте, чтобы затем установить их видовую принадлежность по определителю.

Внезапно мое внимание привлекли весьма странные звуки. Я попытался зафиксировать их в буквенной форме. Читаю свой дневник: «твиритри...плюю (с ударением) ририри (падение тона)... рьрьрьрь... твиритвири... псиу... жау... пийу... жиучжиучжиу чип чип...», и т. д. И примечание: «крики надрывные, писклявые, несколько напоминающие конец песни лесного конька».

Пела на лету небольшая птичка с угольно черными головой и спиной и белым брюхом. Она каждый раз присаживалась на большом валуне, выпиравшем из скальной стенки, и почти сразу же срывалась с места, чтобы перелететь поперек долины на противоположный каменистый склон. Такие маршруты туда и обратно повторялись многократно. В полете птица раз-

⁴⁴ В переводе с персидского фирюза (фируза) – «камень счастья».

меренно, неторопливо взмахивала крыльями и разворачивала веером хвост – снежно белый с черными концами перьев. Белые опахала рулевых, как орнитологи называют перья хвоста птиц, просвечивали в солнечных лучах и контрастно выделялись на фоне синего южного неба. Это зрелище под аккомпанемент громких, надрывно эмоциональных звуков попросту завораживало. Острый интерес к этому пернатому созданию, способному на столь эффектные дивертисменты, родился в сердце сразу, вытеснив все остальные впечатления от чудесной прогулки. Это очевидным образом стало «любовью с первого взгляда», как прежде уже бывало – по отношению к малому зуйку и сорокопутам.

Я еще не знал точного названия этой птицы. Но по аналогии с широко распространенной в более северных широтах обыкновенной каменкой, обладающей хвостом такой же окраски, предположил, что полюбившаяся мне птица относится к тому же роду *Oenanthe*. Передо мной несомненно, был холостой самец, пытающийся своими прекрасно озвученными воздушными маневрами привлечь внимание какой-нибудь самочки, еще не нашедшей супруга.

На этой экскурсии я видел еще одну каменку, которая отличалась от полюбившейся мне снежно белой «шапочкой». «Это, должны быть близкие виды, – подумал я. – То есть, как раз то, что мне нужно для дальнейших исследований по сравнительной этологии». Вернувшись после поездки в Фирюзу в Институт зоологии, я нашел в его библиотеке определитель птиц и установил, что моя новая любимица – это черная каменка, а похожая на нее, но с белой шапочкой – каменка плешанка.

Первые шаги

Именно материалы, полученные за последующие 10 лет интенсивного изучения образа жизни и поведения каменок, легли в основу книги, истории создания которой посвящена эта глава.

Понятно, что приступая к новому проекту такого рода, обычно приходится идти как бы «на ощупь». Но на этот раз все складывалось на редкость удачно. Я сразу же оказался в нужное время в нужном месте.

Первый полевой лагерь нашей экспедиции, который мы разбили несколько дней спустя, располагался в ландшафте, идеальном для обитания сразу нескольких видов каменок. Палатки были поставлены близ отлогого берега небольшой речушки Сикизьяб, из которой мы брали воду для питья и готовки. Когда не было дождей (а их в этой местности в конце апреля практически не бывает), ее без труда можно было перейти вброд. Если идти от лагеря в сторону от реки, вы попадали в лабиринт коридоров, проделанных потоками воды, идущими с гор в период весеннего таяния снегов в альпийской зоне. Стенки этих «микрощелей», глубина которых обычно около 2–3 м, состояли из смеси сухой глины и камней всевозможных размеров. Здесь чуть ли не на каждом шагу попадались всевозможные пустоты, в которых каменки прячут свои гнезда. Кормятся они на выровненных, почти лишенных растительности склонах, прорезанных описанными каменистыми оврагами и постоянно прогреваемых солнцем. И хотя беспозвоночных, которые пригодны каменкам в пищу, здесь сравнительно немного, некоторые их виды (например, разнообразные муравьи и жуки чернотелки) достаточно многочисленны, чтобы прокормить популяции не только каменок, но и многих других местных насекомоядных птиц⁴⁵.

Во время первых же моих экскурсий в окрестностях лагеря выяснилось, что каменок здесь не два вида, которые встретились мне во время поездки в Фирюзу, а целых четыре. Причем распознать всех их с первого взгляда неопытному наблюдателю оказалось не столь уж просто. Трудности не возникали лишь в отношении одного вида – каменки плясуньи, которая по внешнему виду не имеет ничего общего с тремя другими. Ее оперение, как у самцов, так и у самок окрашено в теплые палевые тона, и лишь у самцов имеется тонкая черная полоска («уздечка»), идущая от угла клюва к глазу. У трех других видов окраска самцов представляет собой разные сочетания черного и белого.

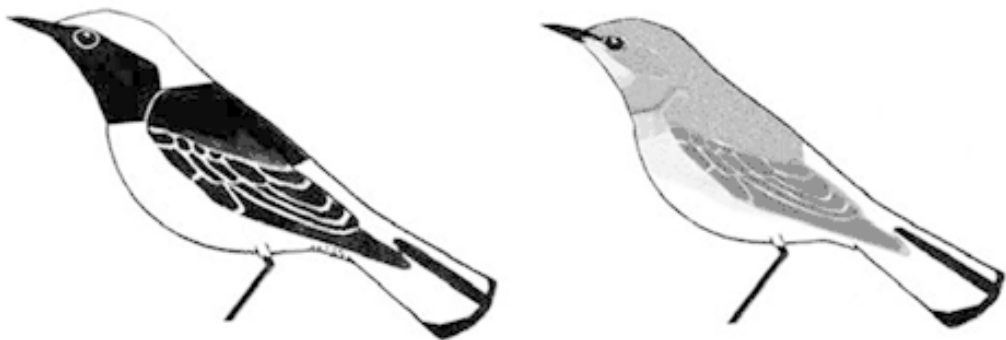
⁴⁵ Каменки, как выяснилось позже, по стратегии питания относятся к числу так называемых видов оппортунистов, о чем я скажу несколько позже.

Черношейная каменка
Oenanthe finschii

Черная каменка
Oenanthe picata

Плешанка
Oenanthe pleschanka

Плясунья

О том, как выглядят самцы черной каменки и плешанки, я уже упоминал. Когда мне впервые удалось рассмотреть с близкого расстояния самца черношейной каменки, оказалось, что у него, в отличие от плешанки, не только шапочка, но и вся спина белая. Что касается самок, то у черной каменки они очень изменчивы по окраске, так что некоторые особи почти неотличимы от самцов. У двух других «черно-белых» каменок самки окрашены в тусклые серовато-бурые тона. Но вскоре оказалось, что различать самок плешанки и черношейной каменки гораздо проще не по окраске, а по голосу и по манере поведения.

На этот раз мне не удалось начать систематические наблюдения за поведением каменок, поскольку экспедиции предстояло двигаться дальше на восток и срок ее пребывания в долине реки Сикизьяб оказался довольно коротким. На двух машинах ГАЗ-24 мы пересекли юг Туркмении и Узбекистана, остановились на некоторое время в столице Таджикистана, носившей тогда название Сталинабад (ныне Душанбе), и через перевал Анзоб (на высоте 3 372 м) продолжили путь на «крышу мира» – Памирское плато.

Во время остановок в той или иной точке, занимавших по несколько дней, я собирал данные по обитавшим здесь близким видам птиц и тем, которые мне были интересны в продолжение моих дальневосточных исследований. Так, на одной из стоянок в Туркмении я познакомился с местным видом сорокопутов – туркестанским жуланом и нашел с десяток гнезд этого вида. В старом парке на территории Зоологического института в Душанбе я вел систематические наблюдения за двумя видами воробьев, индийского и черногрудого, которые гнездились здесь на пирамидальных тополях огромной смешанной колонией. Пока экспедиция работала на Памире, мне удалось кое-что узнать еще об одном виде каменок – пустынной.

Все это время я не переставал размышлять о том, как увиденное мной на нашей первой стоянке в долине реки Сикизьяб соотносится с бытовавшими теориями по поводу отношений между близкими видами в местах их совместного обитания. Об этом уже много было сказано в предыдущей главе, где речь шла о дальневосточных сорокопутах. Там я говорил о том, что моя первоначальная вера в важность неких механизмов, якобы выработанных в ходе сопряженной эволюции видов «для» устранения конкуренции и возможности гибридизации между видами уже тогда стала ослабевать.

Еще большие сомнения относительно справедливости этих взглядов возникли у меня при знакомстве с четырьмя совместно обитающими видами каменок. Дело в том, что полупустынный ландшафт, в котором они гнездятся, по запасам ресурсов питания близок к экстремальному. Я убедился в этом, когда пытался найти хоть какое-то существо, пригодное в качестве приманки при ловле каменок западней. Членистоногие (насекомые, пауки и скорпионы) значительную часть времени проводят здесь, прячась под камнями от палящих лучей солнца и во время ночных похолоданий. Можно было потратить целый час, бродя взад и вперед в местах, где каменки обычно кормятся, переворачивая камни и не встретив при этом ни одного живого существа.

Такое положение вещей заставляет каменок быть крайне неразборчивыми при поисках корма. В пищу идут и самые мелкие муравьи длиной в несколько миллиметров, и столь крупные создания, как, например, сольпуга, или фаланга. Однажды я видел, как черной каменке удалось справиться с крупной и, судя по происходившему, очень сильной ночной бабочкой бражником. Та несколько раз вырывалась из клюва каменки, но не могла улететь, поскольку крылья ее были повреждены уже при первом нападении пернатого хищника. Нападавший после четырех-шести попыток все же добил свою жертву и долго поедал ее, отклеывая по кусочку. Ловят каменки и мелких юных особей таких видов ящериц, как круглоголовки и агамы, с трудом заглатывая их целиком. Ближе к осени они кормятся также ягодами, вызревающими на кустарниках.

Те четыре вида каменок, о которых идет речь, даже если бы и «хотели», не могли бы разойтись по разным местообитаниям, как того требует гипотеза Д. Лэка, поскольку полупустыни предгорий Копетдага есть, по сути дела, пространство, существенно единообразное по своим экологическим характеристикам. Нельзя отрицать того, что у разных видов существуют некоторые предпочтения к тем или иным фрагментам ландшафта. Например, плясуньи держатся в участках более плоских, где они гнездятся в норах грызунов, вырытых в относительно мягком грунте. Черные каменки относятся к числу наиболее рьяных петрофилов⁴⁶, то есть выбирают для гнездования места с максимально расчлененным скальным рельефом. Предпочтения черношейной каменки можно расценить как нечто среднее между теми, которые свойственны двум названным видам. Что касается плешанки, то эти каменки являют собой типичных оппортунистов, которым все равно, где гнездиться, лишь бы там были пустоты, пригодные для укрытия гнезд.

Наверное, думал я, смягчению конкуренции из-за ресурсов может способствовать межвидовая территориальность, о чем я рассказывал в первой главе, когда речь шла о зуйках и сорокопутах. Но, как мне уже удалось увидеть на первых порах, кормовые участки пар разных видов каменок зачастую широко перекрываются. Но насколько этот механизм эффективен, предстояло выяснить в дальнейшем, когда появится возможность заняться этим вопросом вплотную.

⁴⁶ Петрофилы – буквально, «любящие камни».

Выбор модельного вида

На следующий год мне не удалось продолжить изучение каменок, поскольку я должен был в качестве орнитолога принять участие во второй длительной экспедиции нашей лаборатории. На этот раз главным районом ее работы были полупустыни Казахстана, то есть места, мало пригодные для гнездования уже знакомых мне видов каменок, за исключением плясуньи, которая в то время меня не слишком интересовала⁴⁷. Предгорий Копетдага наши три машины достигли лишь в середине лета, когда гнездовой сезон трех других видов уже подходил к концу, так что серьезную работу по изучению социального и сигнального поведения черной, черношейной каменок и плешанки начинать не имело смысла. За время этой экспедиции, пока мои коллеги изучали тушканчиков в Зайсанской котловине (восточный Казахстан), я продолжил накапливать материал по сорокопутам и собрал очень интересные сведения по взаимоотношениям и гибридизации двух местных видов – жуланов европейского и туркестанского (глава 6). Эти данные впоследствии составили важную часть тех нескольких моих книг, где я обобщил все, что известно о гибридизации у птиц и о видах семейства Сорокопутовых⁴⁸.

Снова в Копетдаге

Вплотную заняться каменками мне удалось весной следующего, 1968 года. Нетрудно догадаться, что местом работы я избрал место, уже известное мне по первой поездке в Туркмению, именно, долину реки Сикизьяб. Со мной поехали сотрудник нашей лаборатории А. Д. Базыкин и А. П. Крюков, бывший в то время студентом Новосибирского университета.

В Ашхабад мы прилетели уже в первых числах марта. Дальше нам следовало доехать на автобусе до поселка Геок-Тепе, а оттуда двигаться пешком по маршруту длиной немногим более десяти километров. Зная об этом, мы решили не увеличивать без надобности вес и без того нелегких рюкзаков, под клапанами которых были закреплены тяжеленные ватные спальные мешки (других тогда не было и в помине). Решено было покупать продукты прямо на месте. Об этом пришлось вскоре сильно пожалеть. Подходя к кишлаку, который располагался у нас на пути, в двух-трех километрах от цели маршрута, мы прочли на поржавевшей жестяной табличке, прибитой к столбику: «Колхоз Путленизм» (путь ленинизма). Стоило лишь зайти в магазин кишлака и окинуть взглядом его продуктовую полку, чтобы понять, к каким результатам привело движения по этому пути за 50 лет советской власти. Нам сразу же пришлось с горечью убедиться в том, насколько легкомысленным шагом был отказ от закупки продуктов в Ашхабаде.

На этот раз мы не стали ставить палатки в том привычном для нас месте, где лагерь экспедиции был разбит два года назад. Здесь, на голом берегу речки, открытом для палящего туркменского солнца, даже ранней весной в дневные часы может быть чересчур жарко. Поэтому было решено обосноваться на противоположном берегу, в обширной плантации персиковых деревьев, подходившей вплотную к руслу. Итак, тень и вода были в избытке, чего, к сожалению, нельзя было сказать о продуктах. Несколько дней нам пришлось питаться почти исключительно манной кашей с луком и подсолнечным маслом. Не выдержав такой диеты, мы отправились в поселок и купили у хозяина одной из хижин ногу верблюда. Но нас вновь ожидало разочарование: мясо оказалось на редкость жестким и почти несъедобным. Базыкин несколько раз ходил в горы на охоту, но каждый раз возвращался с пустыми руками.

Однажды нам неслыханно повезло. Это было 21 марта, когда, возвращаясь с экскурсии, мы проходили через кишлак. Из одной хижины, завидев нас, вышли ее хозяева и стали настой-

⁴⁷ Она оказалась, как позже удалось подтвердить, видом, не «близким» всем прочим, упоминаемым здесь.

⁴⁸ Далее, главы 6 и 11.

чиво уговаривать зайти к ним. Оказалось, что эта дата – день весеннего равноденствия, который в Туркмении знаменует начало древнего праздника Новруз байрам. Нас троих усадили на ковер и поставили на расстеленную посреди него скатерть огромный казан с пловом. Мы настолько соскучились по полноценной пище, что, казалось, быстро уничтожим все его содержимое. Впрочем, не тут-то было. Когда спустя полчаса появились еще двое гостей, удовлетворение от еды было почти полное. Хозяйка унесла казан, чтобы в честь прихода новых посетителей заменить его новым, столь же внушительных размеров. В момент исчезновения первого я успел заметить, насколько ничтожной была съеденная нами троими порция по сравнению с первоначальным количеством блюда. Оставалось только пожалеть, что хоть немного этой необыкновенно вкусной еды нельзя было забрать с собой в лагерь.

В нескольких точках вокруг лагеря я провел глазомерную съемку местности и во время вылазок туда наносил на план размещение гнездовых территорий пар разных видов друг относительно друга. Как я и предполагал изначально, участки, принадлежавшие черным каменкам, черношейным и плешанкам, чередовались, в общем, случайным образом. Правда, кое-где по две-три территории пар одного и того же вида примыкали друг к другу. Но никаких очевидных различий в предпочтениях разных видов к каким-то особым, специфическим фрагментам ландшафта выявить не удавалось. Только пары плясуний придерживались наиболее плоских понижений рельефа, где в основном собирали корм и особи всех трех прочих видов.

Такие экскурсии я чередовал с длительными, по несколько часов, наблюдениями за поведением членов брачных пар. Первая половина марта – период массовой постройки гнезд у всех видов местных каменок. Для этих пернатых вообще характерно то, что устройством гнезда заняты одни только самки. Самцы не принимают ни малейшего участия в сооружении колыбели для будущего потомства. Они следят за порядком на своих участках и экстренно реагируют на появление здесь незваных гостей – будь то особи своего или прочих видов птиц, и не только каменок. Такие визиты со стороны неизменно заканчиваются изгнанием пришельцев. Самцы активно поют с рассвета до заката и регулярно проделывают демонстрационные полеты над принадлежащими им угодьями.

Я тщательно фиксировал в дневнике мельчайшие особенности этих эффектных воздушных эволюций, постепенно отмечая все новые и новые детали различий в их исполнении самцами разных видов. Пытался снимать происходящее кинокамерой «Красногорск», но она была столь тяжелой, неповоротливой в работе и склонной к постоянным отказам, что в конечном итоге из сделанных съемок практически ничего извлечь не удалось. Не было у меня и магнитофона, так что особенности вокализации разных видов приходилось фиксировать звукоподражательно.

Между тем, различия в акустических сигналах подчас позволяли распознать самцов разных видов более надежно, чем особенности их окраски. Среди примерно десятка самцов плешанок, чьи участки были закартированы, один отличался от всех прочих белой спиной и в этом отношении был чрезвычайно сходен с самцом черношейной каменки. То, что это все-таки плешанка, подсказали мне звуки песни этой особи, идентичной песням всех прочих типичных плешанок. Она включает в себя, помимо мелодичных нот, стаккато, удивительно напоминающее стук пишущей машинки. Ничего подобного не бывает в вокализации черношейных каменок. Только спустя шесть лет мне удалось выяснить причину необычной окраски этого самца. Работая в 1974 г. в совсем другом месте, на полуострове Мангышлак в восточном Прикаспии, я смог установить, что такие «белоспинные плешанки» – это один из наиболее часто встречающихся вариантов гибридов между плешанкой и испанской каменкой, у самцов которой оперение спины белое.

Мне посчастливилось присутствовать при нескольких эпизодах стычек между самцами каждого данного вида на границах их территорий и пронаблюдать отдельные кратковременные контакты между членами брачных пар. К концу второй недели, когда настало время воз-

вращаться домой, я, оценивая сделанное, полагал, что уже знаю почти все, что мне нужно, об этих четырех видах каменок. Насколько далек я был тогда от реальности, мне стало понятно только через три года, после очередной экспедиции на юг Узбекистана в 1971 г. Но об этом речь пойдет ниже.

Я совершенно не отдавал себе отчета в том, насколько опрометчива моя уверенность, что полученного материала вполне достаточно для полноценного сравнительного анализа поведения изученных видов. Но все же, решил еще кое-что уточнить и с этой целью вновь посетил долину реки Сикизьяб в марте следующего, 1969 года. Весна на этот раз выдалась на редкость неблагоприятной для полевых исследований. Утром в день приезда стоял густой туман и моросил дождь. Ставить палатки при такой погоде очень не хотелось, так что все трое участников экспедиции сошлись на том, что имеет смысл подыскать более надежное убежище.

И правильно сделали, поскольку и в следующие 17 дней солнце появлялось нечасто, только после полудня, и к тому же светило неуверенно сквозь тонкий слой облаков. Мы нашли брошенный коровник – саманную постройку длиной около 20 метров с зияющими оконными проемами. Внутри были перегородки между стойлами, оставлявшие свободным продольный проход посередине. Мы устроились в среднем «отделении», кое-как закрыв окна кусками фанеры и картона, а одно затянув полиэтиленом. Не слишком комфортно, но лучше, чем под дождем. Готовили на костре прямо в помещении, используя в качестве топлива доски, которые отрывали от перегородок в дальних отделениях коровника. Как-то раз около нашего жилища появился пожилой туркмен. Он долго печально осматривал коровник, а потом сказал: «Сначала петух был, потом свинья, потом совсем бросили». Еще одна черточка из жизни колхоза «Путленизм».

Каменка плясунья. *Oenanthe isabellina*

Каменка плясунья. *Oenanthe isabellina*

Неоценимым достоинством этого нашего убежища оказалось то, что прямо метрах в пятнадцати от его входа пара плясуний облюбовала нору для устройства гнезда. Так что в плохую погоду, когда не имело смысла совершать экскурсии в окрестностях, мы с Алексеем Крюковым могли, оставаясь в укрытии, наблюдать по несколько часов за поведением самца и самки при их взаимодействиях друг с другом.

Наша спутница, Нина Шамильевна Булатова, сделала препараты хромосом всех четырех местных видов каменок и, вдобавок, целого ряда других видов птиц для пополнения сведений по цитогенетике пернатых, весьма скудных в то время в мировой литературе⁴⁹.

После этого, укрепившись в мысли, что туркменским каменкам уделено достаточно времени, я решил расширить спектр объектов исследования и познакомиться с поведением прочих видов этого рода, обитающими в других регионах территории бывшего Советского Союза. Поездка в Копетдаг закончилась 18 марта, так что оставалось время обследовать какой-либо район обитания каменок, куда весна приходит позже, чем в Туркмению. Выбор пал на южный Алтай, который, как я выяснил из литературы, входит в весьма обширную область распространения пустынной каменки. Я уже упоминал, что видел этих птиц на Памирском плато, откуда ареал вида тянется на запад до северной Африки. Чуйская степь, куда мне следовало попасть на этот раз, находится между этими двумя регионами.

Чуйская степь

Наш отряд, состоявший из трех человек (Елена Юрьевна Иваницкая, Ефим Михайлович Анбиндер и я) 1 мая погрузился в Новосибирске в поезд, конечным пунктом следования которого был город Бийск. Эта часть пути на юг заняла у нас немногим более десяти часов. Отсюда до места назначения оставалось свыше 500 км (530, если быть точным). Нам предстояло ехать на юг по знаменитому Чуйскому тракту (помните, «Есть по Чуйскому тракту дорога...»), который тянется до границы с Монголией и уходит дальше в эту страну.

Бийск стоит на реке Бия, по имени которой город и получил свое название. Здесь 2 мая погода стояла еще зимняя, и только спаривание парочки воробьев, замеченной мной по пути к автовокзалу, знаменовало собой намек на скорый приход весны. Доехать до поселка Кош-Агач, куда лежал наш путь, можно было только на автобусе. Когда мы грузились в сильно потрепанный ПАЗик, нам было сказано, что сегодня мы до места не доберемся. Дорога дальняя, и придется переночевать примерно на полпути. Это был неприятный сюрприз. К тому же настроение не улучшалось от того, что шел снег и было очень холодно.

Чуйский тракт проложен между горными хребтами, идущими в основном в меридиональном направлении, по долине реки Катунь, а на последнем отрезке длиной около 240 км – вдоль ее притока Чуи. Катунь – многоводная горная река, которая питается от таяния 800 ледников общей площадью более 600 тыс. км². При слиянии с Бией немногим западнее Бийска, Катунь дает начало могучей сибирской реке Обь.

Первые 90 км, до Горно-Алтайска, дорога идет чуть ли не вплотную к берегу Катунь, так что мы могли почти все время видеть реку справа от себя⁵⁰. А слева в окна автобуса был виден вдаль заснеженный гребень гигантского хребта Иолго, позже – Куминского хребта, возвышающегося уже гораздо ближе к трассе. Склоны гор у подножий покрыты лесом из лиственницы. Вскоре автобус миновал мост через Катунь, и она осталась далеко слева.

Мы проехали еще 130 км, и начался медленный подъем на Семинский перевал, пересекающий одноименный хребет в его наиболее низкой части, на высоте 1 717 м. Здесь характер растительности изменился: лиственница сменилась кедром. Прекрасные могучие деревья с густыми округлыми кронами стояли иногда поодиночке, но чаще образовывали плотные рощи разной величины. Сначала автобус с натугой полз вверх на протяжении почти 10 км, а затем более бодро двинулся на спуск по серпантину почти такой же длины.

⁴⁹ Булатова Н. Ш., Панов Е. Н., Раджабли С. И. 1971. Описание кариотипов некоторых видов птиц фауны СССР. ДАН СССР. 199(6): 1420–1423; Панов Е. Н., Булатова Н. Ш. 1972. Сравнительный анализ кариотипов 18 видов семейства Turdidae (Aves). Зоол. журн. 51(9): 1371–1380.

⁵⁰ Теперь людьми застроен не только почти весь этот берег, но даже и некоторые острова посреди реки.

Примерно через 70 км тряской дороги, которой, казалось, не будет конца, автобус остановился около гостиницы в поселке Онгудай, мы проехали 288 км, оставалось еще 242. Выехали рано утром, когда, как и накануне, шел густой снег, и, миновав около 70 км, остановились на смотровой площадке, откуда открывался вид на место впадения в Катунь ее притока Чуи. Зрелище и в самом деле было впечатляющим. После слияния двух рек они, как будто бы, пытались еще некоторое время сохранить свою самостоятельность. По левую сторону русла текла желтая вода Чуи, а по правую – зеленовато-голубая Катунь.

После этой короткой остановки дорога, которая ранее шла в южном направлении, отклонилась к юго-юго-востоку. Теперь мы ехали по днищу долины Чуи, то и дело оказываясь очень близко к ее руслу. Проехали поселок Акташ, после чего начался спуск в Курайскую котловину, лежащую на высоте около 1 700 м над уровнем моря. Окрестности вокруг постепенно приобретали облик предгорной полупустыни, чем-то похожей на хорошо уже знакомые мне ландшафты подножий Копетдага. Слева были видны заснеженные цепи Курайского хребта, далее впереди справа – Северо-Чуйского.

Миновав западные отроги этой горной цепи, мы оказались, наконец, совсем близко к цели, в Чуйской котловине, еще более пустынного облика, чем Курайская. Часам к пяти вечера увидели перед собой мост через Чую, за которым начинался поселок Кош-Агач. Но там нам делать было нечего, так что мы со своими туго набитыми рюкзаками высадились, не доезжая до моста метров 50, поскольку прямо около дороги увидели метеостанцию и быстро сообразили, что именно здесь сможем найти себе пристанище.

На следующий день я отправился на осмотр окрестностей ранним утром. Немного потеплело. Передо мной расстилалась равнина с каменистым грунтом, лишенным какой-либо растительности. Лишь вдали виднелась роща голых еще деревьев – тополей, как я выяснил позже. Там и тут возвышались конусовидные каменные останцы высотой примерно до 3 м, с одной или с несколькими вершинками. Они выглядели желтыми, бледно-оранжевыми или красноватыми. Взглянув под ноги, я понял, в чем дело. Плоская галька была покрыта местами корочкой лишайников именно этих цветов. Камни выглядели очень живописно, и я взял одну каменную пластинку с собой на память об этих местах.

Пройдя всего лишь несколько десятков метров, я увидел самца пустынной каменки. Он пел, сидя на макушке одного из останцов. Вскоре тут же появилась и самка. Я порадовался тому, что прекрасный объект для наблюдений оказался буквально «в шаговой доступности». Пошел назад к метеостанции и дальше, в сторону реки. До нее было примерно 15 минут ходу.

Река была покрыта льдом, который, судя по всему, не собирался таять. Я спустился по склону до обрыва первой террасы и пошел вдоль него. Пройдя всего несколько шагов, увидел пустынных каменок. Здесь тоже была парочка, явно занявшая гнездовую территорию. А чуть ниже – две плясуньи крутились возле отверстия норы, которую, как позже выяснилось, они выбрали в качестве убежища для гнезда. Когда я вернулся на базу, на крыше дома пел самец обыкновенной каменки. Не оставалось сомнений в том, что место для работы выбрано оптимальным образом.

В последующие несколько дней все больше становилось и пустынных и обыкновенных каменок. Но я сосредоточился на наблюдениях за поведением двух пар первого вида, которые обосновались наиболее близко к метеостанции. Все было бы хорошо, если бы не ледяной ветер, внезапно начинавший дуть даже в солнечные дни и пронизывающий насквозь ватную телогрейку и шерстяной свитер. Лишь такая экипировка вкупе с зимней шапкой ушанкой позволяла высидеть на одном месте, напряженно глядя в бинокль, по два-три часа. Чтобы сделать зарисовку в дневнике, приходилось снимать перчатки, и сразу же быстро натягивать их снова.

Сильные похолодания случались примерно раз в три дня. Дальние цепи гор из голубых становились белыми от выпавшего снега, а лужи по утрам покрывались тонким слоем льда. В

такие дни маскированные трясогузки⁵¹, державшиеся в русле реки пролетными стаями, выглядели подавленными. Но того же нельзя было сказать о каменках, более привычных, по-видимому, к подобным капризам местной погоды.

⁵¹ В отличие от всем нам хорошо знакомых белых трясогузок, у самцов этого вида вся голова черная, а от клюва к затылку идет белая «маска», за что птицы и получили свое название.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.